

РОД БЕЗ ПРАВА НА ВЫХОД

18+

В К Косс

В.К. Косс

Роль без права на выход

«Автор»

2026

Косс В.

Роль без права на выход / В. Косс — «Автор», 2026

Анна Дёмина привыкла держать чужой спектакль на себе. Когда ведущая актриса «Контура» перестаёт выходить на связь, ей предлагают главную роль — шанс наконец вернуться на сцену. Но постановщик сценических боёв Роман Бельский замечает то, что Анна привыкла скрывать за безотказностью. Их профессиональные споры становятся всё личнее, а доверие — всё опаснее: восемнадцать месяцев назад она сознательно изменила рапорт о травме коллеги. Теперь режиссёр готовит презентацию из частных репетиционных записей. Чтобы сохранить роль, Анне предлагают снова промолчать. Сказать правду — значит поставить под удар работу и отношения с человеком, которому она хочет довериться. Кому принадлежит её голос, если право выйти на сцену приходится покупать молчанием? Текст подготовлен с использованием генеративного ИИ. Обложка создана с помощью ИИ.

Содержание

Глава 1. Чужая очередь	5
Глава 2. Запасная	13
Глава 3. Дверь за сценой	20
Глава 4. Личное не показывать	27
Глава 5. Она жива	35
Глава 6. Тридцать четыре дня	42
Глава 7. Старый рапорт	49
Глава 8. Без захвата	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В.К. Косс

Роль без права на выход

Глава 1. Чужая очередь

Анна направила фен на залитый чаем манжет и в третий раз набрала Елену.

Телефон лежал между коробкой булавок и чужим термосом. Экран погас раньше, чем рубашка успела высохнуть.

— Ну? — спросил Денис.

— Пятно почти ушло.

— Я про Лену.

— Не отвечает.

Он стоял посреди костюмерной в майке, обхватив себя за плечи. До генерального прогона оставалось семнадцать минут. В соседней комнате костюмерша меняла молнию на платье, которое ещё вчера застёгивалось, а теперь не желало.

— Может, мост опять встал.

Анна проверила сообщения. Вчера Елена предупредила о перекрытом съезде за полчаса до сбора. Сегодня от неё не было ничего.

— Надень пока свой свитер.

— На нём шерсть.

— Денис, зрители увидят тебя завтра.

— А Ветров — через семнадцать минут.

Анна выключила фен.

— Тогда выбирай, кого больше боишься: Ветрова или воспаления лёгких.

Он забрал рубашку, осторожно потрогал воротник и всё-таки потянулся за свитером. Анна подняла термос, чтобы вытереть под ним стол. Крышка была завинчена криво.

С утра она собиралась полчаса поработать с текстом. Её экземпляр «Открытой двери» лежал в сумке с вечера, раскрытый на сцене передачи ключей. В девять она ещё рассчитывала успеть. Потом нашлась рубашка, пропал второй комплект гостиничных бланков, а из кассы позвонили спросить, можно ли поставить дополнительный стул в проходе.

Она отказала. Через минуту перезвонила, чтобы убедиться, что её поняли.

Теперь было девять сорок четыре.

В коридоре пахло мокрыми пальто и разогретым клеем. Дождь стучал по жестяному козырьку служебного входа. Оттуда вошла Ирина Левина, прижимая к боку пакет со сменной обувью.

Она придержала дверь ногой, пока Анна поднимала с порога пакет с программками. Их обещали привезти вчера. На верхней отпечаталась чья-то мокрая ладонь.

— Прямо на пол положили, — сказала Анна.

— У человека две руки. Чем-то он вам звонил.

Курьер действительно звонил. Анна сама попросила оставить у входа, а потом забыла забрать. Теперь нужно было разложить программки, проверить, сколько намокло, предупредить кассу.

Она вытащила одну. Плотная бумага, серые буквы, рисунок раскрытой двери. Внизу, среди фамилий, стояла её собственная — после слов «помощник режиссёра».

Ещё летом она собиралась предложить Ветрову маленькую постановку на двоих. Ничего дорогого: два стула, стол, четыре воскресных показа. Текст до сих пор лежал дома, под кви-

танциями. За лето в театре меняли проводку, потом начались репетиции «Открытой двери». Анна так и не назначила день, когда принесёт ему пьесу.

Она сунула программку обратно, подальше от мокрого края пакета.

Ирина всё ещё держала дверь.

— Аня. Дай я пройду.

— Да, прости.

— Лена приехала? — спросила она.

Анна покачала головой.

Ирина поставила пакет на подоконник. Потянула молнию правой рукой, хотя удобнее было левой.

— Звонила?

— Три раза.

— Напиши.

— Уже.

Ирина достала туфли и заглянула Анне в лицо.

— Ты сама сегодня что-нибудь ела?

— Мы ещё не начали.

— Это я заметила.

Она пошла в гримёрную, не дожидаясь ответа.

На лестнице Анну перехватил Павел:

— Свет на выход поправил. Посмотришь?

— После прогона.

— После уже поздно. Сейчас надо понять, с какой стороны ей лицо открывать.

— С правой, как вчера.

— Вчера ты сказала, что она повернётся.

— Значит, с левой. Паш, дай мне пять минут.

Он поднял обе руки и пропустил её.

Возле двери в зал Роман Бельский наклеивал на пол короткую полоску белого скотча. Рядом лежал маленький уровень. Анна машинально обошла инструменты и только потом оставилась.

— Здесь нельзя оставлять.

— Сейчас уберу.

Он поднял уровень. На полу остался рулон.

Анна посмотрела на него.

Роман убрал и рулон.

За шесть недель он успел передвинуть половину её привычных предметов, отменить два удобных сокращения и добиться, чтобы стул, который годами стоял за кулисой, убрали из прохода. Стул она до сих пор искала взглядом, когда уставала.

— Лены нет? — спросил он.

— Пока нет.

— Физическую сцену сегодня отдельно проверяем?

— Сразу после прогона.

Роман выпрямился.

— До прогона, Анна. Мы же вчера договорились.

Она помнила. В расписании этот кусок был обведён зелёным. С девяти сорока до десяти — Елена, Денис, Роман. В десять общий сбор.

— Я ещё раз ей позвоню.

Он посмотрел на телефон в её руке.

— А если не приедет?

— Тогда решим.

— Во сколько?

Анна хотела ответить резко, но из зала позвали:

— Аня, у нас гостиница открывается или нет?

Аркадий Ветров уже сидел в третьем ряду.

* * *

Он снял пальто, аккуратно сложил шарф на соседнем кресле и протянул Анне бумажный пакет.

— На двоих. Я себе уже взял.

В пакете были ещё тёплые сырники из кафе у моста. Ветров помнил, что она их любит без изюма.

— Спасибо. Лена пока не...

— Вижу.

Он оглядел сцену. За стойкой маленькой гостиницы лежала раскрытая книга постояльцев. На дальней стене висели часы, из которых Павел вынул батарейку: они должны были показывать время, указанное для этой сцены.

— Начнём с передачи дел. Ты за Лену, ладно?

Анна придержала пакет ладонью.

— Только на разводку?

— Посмотрим. Нам бы не потерять утро.

Денис вышел из кулисы, ещё застёгивая свитер.

— На мне пока это. Рубашка сохнет.

— Хорошо, — сказал Ветров. — Даже интереснее. Человек не на службе, а уже не может уйти.

Анна знала это его умение: любое неудобство сразу становилось частью спектакля. На репетиции с отключённым отоплением он придумал сцену с одеялом, которую потом хвалили зрители. Однажды пропавшая дверь помогла найти лучший финал.

Ей нравилось работать в такие минуты.

Она поставила пакет на край режиссёрского столика и надела гарнитуру.

— Паша, в начале берёшь свет по Денису. Дальше я скажу.

— А кто вести будет?

— Пока я со сцены.

— А текст?

Анна протянула ему раскрытый рабочий экземпляр.

— Закладки стоят. Двадцать седьмая страница.

Роман остался у края сцены. Анна обошла гостиничную стойку и положила перед собой связку реквизитных ключей. У стойки стоял чемодан Аси.

С этой стороны декорация выглядела незаконченной. На внутренней стенке остались карандашные расчёты столяра и след от кружки. Из зала ничего этого видно не было.

Она провела пальцем по связке, выбрала длинный ключ.

— Этот от служебного входа. Иногда заедает. Если не повернётся с первого раза, не давите.

— А что делать? — спросил Денис.

— Чуть потянуть дверь на себя.

— И так со всем здесь?

Анна подняла голову.

Реплику она знала. Следующую — тоже. Пока Елена ездила на съёмки, Анна не раз стояла на этом месте. Дважды они даже проходили её линию целиком, с остановками и карандашом в руке. Но обычно она следила, чтобы Денис вовремя забрал ключи.

Сейчас он их не брал.

Анна положила связку перед ним.

— Вам всё покажут.

— Кто?

Она чуть отодвинула книгу постояльцев.

— Теперь вы здесь главный.

Ветров подался вперёд.

Анна заметила это и поспешила к следующей реплике.

— Я оставила вам телефоны прачечной...

— Не торопись, — сказал он. — Что ты ему отдаёшь?

— Ключи.

— А хочешь?

Она посмотрела на связку. Зелёная бирка выцвела, кольцо разошлось. Вчера Анна собиралась заменить его, чтобы ключи не рассыпались в руках Елены.

— Паша, свет, — сказала она в микрофон.

На сцене стало ярче.

— Ты сейчас ему или Паше? — спросил Ветров.

Денис улыбнулся. Анна сняла гарнитуру с одного уха.

— Извините. Ещё раз.

Они вернулись на начало.

На этот раз Анна дождалась, пока Денис протянет руку. Отдала связку, но один ключ на мгновение зацепился за её палец. Она освободила его и убрала руку под стойку.

В зале никто не заговорил.

Денис посмотрел на неё уже иначе, без ожидания технической подсказки.

— Ты ведь всё равно будешь приходить.

Анна знала, что Ася должна ответить сразу. Вместо этого глянула на дверной проём. В сумке, оставленной у пульта, лежали её перчатки. За служебным входом шёл дождь. Можно было просто одеться и выйти.

— Первые дни, — сказала она.

— Вот и хорошо.

— По вторникам. До обеда.

Денис не успел ответить.

— Оставь, — негромко сказал Ветров. — Вот это оставь.

Он сделал пометку в сценарии. Анна опустила глаза, чтобы никто не увидел, как она обрадовалась.

Вчера на этой же реплике она считала страницы до перестановки. Елене требовалось успеть за кулису, пока Денис подходил к окну; Анна рассчитывала, куда поставить человека с её чемоданом.

Сейчас она впервые подумала, что Ася может вообще не дойти до двери. Остаться, пока ему удобно. Зайти во вторник и снова найти за стойкой все свои вещи.

Анна отодвинула чемодан ногой, ближе к выходу.

— Он там мешает, — предупредил Денис уже своим голосом.

— Я знаю.

— Ещё раз последние две, — сказал Ветров.

Денис забрал ключи. На этот раз Анна успела отпустить их раньше, чем кольцо задело палец. Ощущение сцены осталось. Она ждала следующей реплики Дениса, но он смотрел на пульт.

Павел выглянул из-за пульта:

— Дальше свет менять?

Анна обернулась. Он держал её рабочий сценарий, прижав страницу локтем, чтобы та не закрылась.

— Да. Прости. Сейчас скажу.

За спиной зашуршало платье. Ирина прошла к креслу у окна, вступая в следующую сцену. Дальше Анна почти не читала. Реплики находились сами, но постоянно требовалось что-нибудь ещё: подсказать Павлу смену света, напомнить Денису про конверт, остановить Ирину, потому что её вход оказался слишком ранним.

Каждый раз приходилось выходить из роли, а потом собирать её заново.

Через несколько страниц Анна перепутала реплику Аси со своей пометкой и сказала вслух:

— Дверь не закрывать.

Ирина подождала.

— Это мне или мастеру?

Анна коротко рассмеялась.

— Всем понемногу.

— Давайте дальше, — сказал Ветров. — К уходу.

Роман шагнул ближе.

— Сейчас только перемещения. Без контакта.

Денис кивнул и положил конверт на стойку.

Анна сняла гарнитуру и взяла со стойки конверт. Ей предстояло пройти к двери, обогнуть узкий край подиума и развернуться к партнёру. С Еленой этот переход выглядел так просто, что Анна никогда не считала его отдельной задачей.

Она пошла.

— Денис, не отпускай её сразу, — сказал Ветров. — У тебя сейчас последняя возможность.

Денис оказался сбоку. Анна замедлилась, пытаясь вспомнить, где Елена ставила ногу. Там, где должен был освободиться проход, осталась его рука.

Она попыталась повернуться, не выходя за край отметки.

— Стоп, — сказал Роман.

Денис сразу отступил.

Анна стояла посреди сцены, с гарнитурой в одной руке и гостиничным конвертом в другой.

Полтора года назад Ирина произнесла то же слово.

Тогда репетировали допоздна. За декорацией горела маленькая рабочая лампа, всё остальное освещение оставалось сценическим. Анна не видела лиц. Слышала Ирину:

«Аркадий, стоп. Я не хочу дальше».

Павел спросил в гарнитуру, давать ли рабочий.

Ветров сказал: «Подожди».

Анна повторила Паше: «Пока оставь».

Потом что-то ударилось о край помоста. Ирина вскрикнула. Анна подала команду, на сцене зажёгся белый свет, и все сразу заговорили.

В первом варианте отчёта она написала про просьбу остановить сцену и задержку команды. Ветров прочитал, вернул ей лист и спросил, чего она хочет добиться такой формулировкой.

Театр только продлил аренду. Денег не было. Анне обещали постоянную работу. Она помнила всё это гораздо лучше, чем хотела бы.

В подписанном варианте осталось: «Репетиция прервана в связи с эмоциональным состоянием актрисы».

Ирина несколько недель ходила с неподвижной рукой.

Анна сама удалила два предложения. Сама распечатала новый лист. Поставила подпись и отнесла Марине.

— Анна?

Роман стоял перед сценой.

Она положила конверт на стойку.

— Я всё слышала.

— Тогда давайте сначала выход. Без партнёра.

— Я этот выход знаю.

— Где у вас освобождается проход?

Анна посмотрела на Дениса. Тот стоял уже за своей отметкой.

— После его реплики.

— Елена разворачивается раньше. Вы сейчас задержались.

Он сказал это без нажима. Оттого Анне стало ещё досаднее: возразить было нечего.

— Я могу повторить.

— Можете. Сначала одна.

— Роман, мы уже полчаса стоим, — произнёс Ветров.

— Мы двадцать минут проходим другую сцену.

— У нас генеральная.

— С другой исполнительницей.

Ветров снял очки.

— Которая знает текст лучше всех нас.

— Я вижу.

Роман повернулся к Анне:

— Вам нужно пройти этот кусок отдельно. Иначе вы будете одновременно вспоминать реплику, смотреть под ноги и ждать Дениса.

Она сжала гарнитуру. В пластмассе тихо щёлкнуло.

— Хорошо.

Анна положила гарнитуру рядом с конвертом. Роман отошёл, освобождая ей место.

Она прошла к двери. Вернулась. На втором повторе перестала смотреть вниз. Роман ничего не менял без объяснения и не прикасался к ней. Когда она спросила, можно ли оставить поворот позже, ответил:

— Можно проверить.

Эти два слова ей понравились. Она не хотела, чтобы понравились.

Они вернулись к стойке. За следующие двадцать минут Павел дважды останавливал их, чтобы уточнить свет, а Денис обнаружил, что письмо из третьей сцены осталось у Анны в рабочей папке. Она уже шагнула к пульта, но Ирина протянула руку:

— Скажи, где. Я принесу.

— В синей папке, за списком реквизита.

Анна осталась на месте. Пока Ирина искала конверт, ей удалось повторить две реплики. Раньше она всегда шла сама: быстрее найти знакомую папку, чем объяснять другому. Теперь стояла и ждала, пока принесут нужную вещь ей.

Из-за стойки было видно ползала. На третьем ряду лежал шарф Ветрова. Анна мысленно заняла свободное кресло рядом, посмотрела на себя со стороны и поспешно отвела глаза.

* * *

В одиннадцать Ветров объявил перерыв.

Елена так и не приехала.

У пульта Анна положила гарнитуру поверх рабочего сценария и проверила телефон. Пропущенных не было. Её сообщение оставалось без ответа.

— Может, к ней съездить? — спросил Денис.

— Сначала узнаю у Марины, — сказала она.

Он кивнул, взял чашку с края пульта и ушёл искать рубашку.

Марина ответила почти сразу. На заднем плане что-то стучало, как будто она шла по лестнице в туфлях.

— Ты с Леной сегодня разговаривала? — спросила Анна.

— А что?

— Её нет. На звонки не отвечает. Мы уже начали с меня.

Стук прекратился.

— Пока так и продолжайте.

— Она предупредила тебя?

— Мы вчера обсуждали рабочие вопросы.

Анна посмотрела на экран, будто это помогло бы разобрать ответ точнее.

— Марин, сегодня. Она тебе сегодня что-нибудь писала?

— Я разбираюсь. Буду через двадцать минут.

— Денис предлагает к ней съездить. Я могу дать ему...

— Сейчас не надо. Пусть остаётся на прогоне.

Голос Марины стал таким, каким она говорила с подрядчиками о просроченной доставке.

— С ней всё в порядке?

— Аня, я же сказала: выясняю.

Связь оборвалась. Анна ещё немного постояла с телефоном у уха. Потом написала Елене: «Мы волнуемся. Дай знать, что ты в порядке». Про сорванный прогон писать не стала. Нажала «Отправить».

За сценой Денис смеялся над чем-то вместе с Павлом. Скоро нужно было позвать их обратно, но Анна задержалась у пульта.

Она подняла вторую чашку. Та оказалась полной.

— Моя, — сказал Роман.

— Я думала, забыли.

— Я тут.

Она поставила чашку обратно. В тесном проходе им пришлось разойтись боком. Анна заметила тёмное пятно дождя на его рукаве: он так и не снял толстовку после улицы.

— Вы всегда останавливаете на самом интересном?

— Обычно стараюсь раньше.

Она неожиданно улыбнулась, но сразу вспомнила, что сердится.

— Я не собиралась ничего сложного делать.

— Вы собирались успеть за ним.

— Это часть работы.

Роман посмотрел на оставленный ею сценарий.

— У вас сегодня слишком много частей.

Анна потянулась за гарнитурой, хотя надевать её пока было незачем.

Из глубины зала позвал Ветров:

— Аня, останься на минуту.

Роман забрал чашку и отошёл к сцене. Ветров дождался, пока Анна спустится в зал. На его столике лежал пакет с сырниками. Она забыла о нём.

— Сядь.

Анна устроилась на откидном кресле через проход. Ноги сразу отозвались усталостью.

— Когда ты последний раз играла перед зрителями?

— В «Лестнице». Весной позапрошлого года.

Три показа за заболевшую актрису. Ветров кивнул: помнил.

— Ты сейчас сделала важную вещь с ключами.

Анна посмотрела на сцену. Из зала стойка казалась настоящей, потёртой, как в старой гостинице. Карандашных расчётов видно не было.

— Они зацепились за палец.

— Да. А ты не стала ничего изображать.

Она опустила руку на колено.

Ветров умел заметить именно то, за что хотелось быть замеченной. С ним Анна иногда вспоминала, зачем вообще поступала в театральный.

— Нам нужна замена, — сказал он.

— Лёну ещё не нашли.

— Мы не знаем, что с ней. Марина выясняет.

Он взял очки за дужку.

— Но завтра сюда придут люди. Они купили билеты.

Анна промолчала.

— Я хочу, чтобы ты готовила Асю.

Она не сразу ответила. Слышно было, как Павел за стеной включил музыку, проверяя начало второго действия. Потом музыка оборвалась.

— Весь спектакль?

— Всю роль.

В сумке лежал её собственный экземпляр пьесы. В нём были подчёркнуты реплики, которые не требовалось подчёркивать помрежу. Анна никому его не показывала.

— Я не проходила с Денисом нынешний вариант финальной сцены.

— Пройдёшь.

— И я не могу вести спектакль из кулис, если буду на сцене.

Ветров посмотрел на неё внимательнее.

— Это решим.

Она представила завтрашний вечер: первые зрители на узкой лестнице, шорох программ, свет над дверью, который погаснет перед началом. Своё имя в объявлении о замене.

Ей хотелось согласиться сразу. Пока он не передумал.

— Я буду готовить роль, — сказала она. — Но сейчас я не могу обещать, что завтра сыграю всё.

Он чуть улыбнулся.

— Я пока прошу тебя начать.

Анна встала.

У пульта она убрала рабочий сценарий в сторону и достала свой. Между страницами сохранился чек из булочной — она вкладывала его вместо закладки, когда читала дома.

На титульном листе было написано карандашом: «Ася».

Анна положила рядом телефон и ещё раз набрала Елену.

Глава 2. Запасная

Зоя повесила на ручку шкафа тёмное платье и отступила, давая Анне пройти к зеркалу.
— Примерим хотя бы верх. Потом будем решать.

На столике лежала Еленина расчёска. Анна сдвинула стул так, чтобы не задеть свою сумку, поставленную под зеркало.

— Можно в другой гримёрной?

Зоя посмотрела на неё через плечо.

— Там Ирина. Здесь у меня все булавки.

Платье оказалось тесным в проймах. Анна подняла руки, и ткань потянула плечи назад.

— Не тяни, — сказала Зоя. — Я сама вижу.

Она растянула молнию, сделала две отметки мелом. На манжете её кофты белела такая же полоска.

Анна смотрела на себя в зеркало. Вчера это платье носила Елена: поворачивалась у стойки, присаживалась на край стула, легко закидывала ногу за ногу, когда Ветров просил «чуть меньше официальности». На Анне всё выглядело иначе. Вырез оказался выше, рукава — короче. Зоя подёрнула ткань у талии.

— Плечи опусти.

Анна опустила.

— Ещё.

— Они у меня там заканчиваются.

Зоя хмыкнула, вынула булавку из рта.

— Значит, будем отпускать. Только сначала решите, кто завтра играет. А то я ночью перешью, утром придёт Лена.

— Пока ничего не режь.

— Я и не собиралась.

Анна сняла платье и осторожно вернула на плечики. Под ним на стене остался светлый прямоугольник от старой афиши. В этой гримёрной успели сменить три состава, но стену всё откладывали покрасить.

Телефон завибрировал. Денис прислал фотографию сухой рубашки и поднятый большой палец.

От Елены ничего не было.

Анна открыла свой экземпляр пьесы. Закладка из булочной выскользнула на колени. Вчера дома она два раза прочла последний монолог, стараясь не говорить вслух: за стеной уже спал соседский ребёнок. Сейчас первая строка показалась чужой.

Она попробовала начать, но за дверью хлопнул выключатель, из зала донёсся голос Ветрова:

— Где Аня?

Зоя посмотрела на неё.

— Не отвечай. Я скажу, что ты раздетая.

— Я уже оделась.

— Вот и зря.

Анна улыбнулась, взяла карандаш.

В роли было пять мест, которые она никогда не проходила без остановок. Последний выход. Сцена с письмом, когда Ася одновременно закрывает кассу и спорит с владельцем гостиницы. Перестановка стула в темноте. Финальная встреча с Ириной. И длинная пауза перед отъездом, в которой Елена умела стоять так, что зритель продолжал смотреть.

Анна записала первые четыре. Пятое оставила без названия.

Внизу страницы сохранилась пометка, сделанная дома: «Не просить разрешения у него в каждой реплике». Она относилась к Асе. Анна закрыла её ладонью, будто Зоя могла прочесть через плечо.

На двух прежних прогонах ей всё время помогали. Денис сам подводил к нужному месту, Ирина чуть громче произносила начало следующей реплики, Ветров разрешал взять текст. Тогда это казалось удачным выходом: спектакль продолжался, пока Елена была занята. Завтра никто не станет объяснять зрителям, что Анна пока только помогает.

— Ты можешь оставить мне платье на час? — спросила она.

— Могу. Для чего?

— Посидеть в нём. Попробовать встать, взять чемодан.

Зоя положила мел в коробочку.

— Вот это уже разговор. Только я расставляю булавки, чтобы ты не села на них.

Анна впервые за утро почувствовала, что просьба о времени может быть вполне конкретной. Час в костюме. Две сцены с партнёром. Один прогон, во время которого не нужно следить за пультом. Ничего из этого не звучало как просьба пожалеть её.

В дверь постучали.

— Можно? — спросил Роман.

— Я одетая, — сказала она.

Зоя молча взглянула на неё.

Роман остался на пороге.

— Аркадий Михайлович просил ещё раз пройти уход. Я сказал, что сначала нужно договориться о времени.

— Сейчас приду.

— Я не за этим. В каком костюме вы собираетесь работать?

Анна показала на платье.

— В этом. Если Зоя его переделает.

— И какая обувь?

— Мои туфли.

— Те, в которых вы были на двух прогонах?

— Да.

— Хорошо. Тогда не меняйте их перед выходом без отдельной проверки.

Зоя сняла с нижней полки коробку.

— У Лены здесь каблук выше. Я уже поняла, что не годится.

Анна вдруг разозлилась на то, с какой готовностью они обсуждали её вместо Елены. Только что сама примеряла платье, а теперь хотела, чтобы кто-нибудь остановился и сказал: сначала найдём человека.

— А если она приедет через час? — спросила она.

Зоя закрыла коробку.

Роман помолчал.

— Тогда вы отдадите ей платье. А сейчас мы можем понять, что вам потребуется для замены.

Анна прижала сценарий к животу.

— Я знаю роль.

— Я слышал.

Ей стало неловко: прозвучало так, будто она требовала повторить Ветрову похвалу.

— Но мне нужно время.

— Сколько?

Она посмотрела на свой список. Назвать срок означало отвечать за него. До сегодняшнего утра ей достаточно было знать, что в случае беды она сможет подхватить реплики. Никто не спрашивал, сумеет ли она провести целый вечер на сцене и удержать чужое внимание.

— Давайте сначала посмотрим всё, чего я не делала.

Роман кивнул.

— Ваш список или мой?

— Сначала мой.

Она открыла страницу так, чтобы он мог прочитать.

* * *

Они устроились за узким столом возле буфета. В обед там обычно собирались все, кто не успевал выйти в город, но сейчас стояли только коробка печенья и остывший чайник.

Анна положила рядом два сценария. В рабочем было больше отметок, чем текста. Зелёным она отмечала свет, синим — выходы, красным — то, что требовалось проверить перед показом.

В её актёрском экземпляре карандашом были проведены длинные линии вдоль полей.

Роман сел напротив и развернул свой блокнот.

— Два полных прогона у вас были?

— С остановками.

— Когда?

Она назвала дни.

— В обоих доходили до финала?

— Да. Но последние сцены мы тогда ещё меняли.

Он сделал пометку.

— Переход у двери вы сегодня делали впервые с Денисом?

— В этой версии — да.

— Я не ставлю вам оценку, Анна.

— А ощущение именно такое.

Он положил ручку.

— Мне нужно понимать, что мы можем повторить, а что ещё придётся собрать. Если я ошибусь в списке, времени у вас станет меньше.

Она опустила глаза к страницам.

— Здесь письмо. Денис отдаёт его мне, потом уходит к окну. Я должна открыть конверт до смены света. Я пока ни разу не успела.

— Что мешает?

— Клапан приклеивается.

— Значит, это не дополнительная репетиция, а другой конверт.

Анна вычеркнула строку и удивилась, как легко от этого стало.

Вместо неё появилась новая: «Реквизит. Проверить все письма».

Они прошли ещё несколько страниц. Где-то Роман просил её встать и показать переход. Где-то она сама объясняла, что задержка нужна Асе, а не исполнительнице. Он не соглашался автоматически. В одном месте дважды спросил, зачем она несёт чемодан через сцену, если по смыслу героиня ещё собиралась остаться.

Анна сначала ответила: «Лена так делала», — и услышала себя.

Она закрыла рот, перечитала сцену.

— Можно оставить у двери, — сказала наконец. — Тогда я на него всё время смотрю.

— Попробуйте на площадке. Здесь словами не решим.

В список вошёл отдельный прогон с реквизитом и костюмом. Потом — с новым человеком на ведении.

На этой строке Анна задержалась.

— Паша знает свет.

— Но не все выходы и перестановки.

— Я могу записать ему команды заранее.

— А если что-нибудь сдвинется?

Она представила, как говорит монолог и одновременно ждёт, включил ли Павел нужный свет. Сегодня ей удалось забыть о пульте на полминуты. Завтра в зале будут люди.

— Тогда надо кого-то посадить рядом.

— Кого?

Анна перебрала фамилии. Одни в спектакле, другие на чужих проектах. Администратор умела организовать зрителей, но никогда не вела сцену. Объяснить за вечер всё, что Анна делала почти не глядя, было бы отдельной работой.

Она взяла телефон.

— Есть Татьяна Миронова. Мы работали вместе на выезде. Но она сейчас занята, я не знаю, когда сможет.

— Узнайте.

Анна уже открыла переписку, когда Роман добавил:

— Не обещайте ей, что это будет пять минут.

Она подняла глаза.

— Я так часто говорю?

Он посмотрел на два исписанных сценария.

— Сегодня слышал четыре раза.

Он сказал это с такой сухой серьёзностью, что Анна не сразу поняла, шутит ли. Потом увидела, как он сдвинул в сторону собственный блокнот, освобождая ей место для списка.

Анна хотела возразить, но вспомнила Павла на лестнице.

Написала: «Нужен человек на ведение спектакля. Срочная замена. Сможешь поговорить после обеда?»

Потом убрала телефон экраном вниз.

В коридоре появился Денис. Постучал пальцами по дверному косяку.

— Мы ещё работаем?

— Через двадцать минут, — сказала Анна. — Сейчас решаем.

— Понял.

Он посмотрел на списки.

— Ты правда выходишь?

Она почувствовала, как хочется уверенно кивнуть.

— Готовлюсь.

— Хорошо. Если надо, я останусь.

— У тебя вечером съёмка.

— Отменили.

— Ты же из-за неё просил уйти в шесть.

— Отменили утром, Ань.

Она не заметила, когда успела начать распоряжаться его временем.

— Тогда спасибо. Я скажу.

Денис направился к двери. Роман отодвинул коробку печенья, которая стояла прямо на краю.

У двери Денис всё-таки остановился.

— Знаешь, что мне нужно? Один раз пройти сцену, чтобы ты на меня смотрела. Не на часы и не на Пашу. Я ведь тоже не знаю, как с тобой играть.

Анна подняла голову.

Он сказал это просто, без обиды. И от этого ей стало неприятнее. В её списке были выходы, костюм, реквизит. Денис до сих пор оставался человеком, который всё уже умеет и которому надо только сообщить, когда приходить.

— После обеда, — сказала она. — Сразу после разговора с Мариной. Возьмём одну сцену.

— Какую?

Анна посмотрела на свои карандашные линии.

— С письмом. Только текст и мы вдвоём. А потом добавим остальное.

— Хорошо.

Он ушёл, и Анна дописала его имя рядом с первым пунктом. Роман не стал комментировать. Ей понравилось, что он умеет пропустить момент, в котором мог бы оказаться прав.

— Вы готовы были пообещать ему вечер.

— Он сам предложил.

— Я о вашем вечере.

Анна перевернула страницу.

— Давайте закончим список.

Он больше не стал спрашивать.

К двенадцати в нём было восемь пунктов. Каждый требовал времени, ещё двух или трёх человек и чьего-нибудь согласия. Ни одного нельзя было выполнить после того, как зрителей уже пустят в зал.

Анна провела черту под последней строкой.

— Завтра в семь я не готова, — сказала она.

Роман кивнул, будто услышал рабочую информацию. Не вздохнул с облегчением и не стал объяснять, что говорил это с самого начала.

— Это нужно сказать Марине.

— Я скажу.

— Нужен мой список?

Анна протянула руку.

* * *

Марина приехала в половине двенадцатого и к тому времени, как Анна поднялась в кабинет, уже успела снять пальто, открыть ноутбук и поспорить с кем-то по телефону.

— Пришлите мне это письменно, — сказала она. — Нет. Я не подтверждаю сумму, я прошу прислать расчёт.

Положила телефон и указала на стул.

Ветров сидел у окна с чашкой кофе. Увидев Анну, поднял большой палец, словно всё уже было решено.

Она положила лист перед Мариной.

— Я не выйду завтра в этой версии.

Продюсерка перестала листать документы.

— Что значит «не выйдешь»?

— Не успею подготовить её целиком. Здесь то, что нужно доделать.

Ветров потянулся за листом.

— Мы сейчас из каждого движения устроим отдельное мероприятие?

— Это не только движения, — сказала Анна. — Нужен человек на ведение. Прогон с ним. Костюм. Реквизит.

— Ты знаешь спектакль.

Она ощутила привычное желание согласиться, чтобы он перестал смотреть на неё с таким недоумением.

— Со своего места знаю. С Асиного — не весь.

Марина взяла второй лист, Романов.

Некоторое время слышно было только, как Ветров мешает кофе. Ложка стукнула о край чашки.

— Лена может появиться, — сказал он.

— Ты с ней говорил? — спросила Анна.

— Нет.

Она повернулась к Марине. Та продолжала смотреть в бумаги.

— А ты?

— Я же сказала, разбираюсь.

— Уже почти два часа её нет.

— Аня, я вижу время.

Марина закрыла список ладонью.

— Давайте по порядку. Если мы отменяем завтрашний показ, касса сегодня должна сообщить людям. Если переносим, нужна новая дата. Если меняем состав, мне нужно понимать, кто и что готов подписать. У нас ещё второй и третий показы.

— Я предлагаю посчитать перенос, — сказала Анна.

Ветров отставил чашку.

— Мы полтора месяца идём к завтрашнему дню. Ты сама вчера проверяла, всё ли готово.

— Для Лены.

— Для спектакля.

Анна посмотрела на собственные зелёные пометки. Вчера она действительно закрыла почти все красные вопросы. Нашли конверты, закрепили декорацию, починили стул. Она считала себя вправе сказать, что театр готов.

Теперь ей приходилось объяснять разницу человеку, от которого она ждала этой роли.

Марина открыла таблицу и повернула ноутбук.

В верхних строках стояли аренда, изготовление декорации, печать, транспорт. Ниже — гонорары. Напротив некоторых фамилий были даты выплат. У нескольких пустовали клетки.

Анна нашла свою фамилию и поспешно отвела взгляд.

— Это за уже сделанную работу, — сказала Марина. — Не за завтрашний успех. Эти деньги мы должны в любом случае.

— Я понимаю.

— Пока нет. Если возвращаем деньги за весь первый блок, мне нечем закрывать ближайшие выплаты. Если назначаем другую дату, часть людей всё равно заберёт деньги. А новая дата должна подходить площадке, составу и тем, кто нам даёт оборудование.

Анна не стала обещать, что обзвонит всех за час.

Ветров наклонился вперёд.

— У нас есть выход. Мы вводим Аню и работаем. Всё остальное обсуждается по ходу.

Марина перевела взгляд на него.

— Она только что сказала, что не готова.

— Она боится. Это нормально.

Анна стиснула колпачок карандаша.

Боится — конечно. Уже успела представить, как пропустит реплику, выйдет в чужой свет, забудет, кому отдавать письмо. Но рядом с этим страхом было другое: сорок минут, которые

нельзя повторить в том же составе; гарнитура в руке, когда нужна свободная ладонь; человек за пультом, которому некому дать команду.

— Я боюсь, — сказала она. — И мне всё равно нужны эти восемь вещей.

Ветров посмотрел на неё.

— Можно иначе поставить вопрос. Ты хочешь играть?

— Да.

Ей было неприятно, насколько быстро она ответила.

— Тогда давай работать.

— Я уже работаю.

Марина подняла руку.

— Хватит.

Ветров встал. Подошёл к окну, посмотрел на мокрый двор. За стеклом двое рабочих разгружали коробки из фургона. У одного на спине расплзалось тёмное пятно дождя.

Анна внезапно вспомнила программки внизу. Их ещё нужно было перебрать.

Она осталась сидеть.

— Я пока не называю новую дату, — сказала Марина. — Сначала выясним с Леной и посмотрим, какой срок реален для тебя. Аня, до двух собери мне свободные окна по людям. Только реальные. Не «как-нибудь договоримся».

— Хорошо.

— И поговори с Мироновой, если она доступна.

Анна кивнула. Марина знала фамилию из Романова списка: Анна вписала её туда ещё у буфета.

Ветров повернулся от окна.

— Значит, сегодня продолжаем?

— Подготовку замены, — сказала Анна. — Да.

Он взял чашку и вышел.

Когда дверь закрылась, Марина потёрла переносицу.

— Ты понимаешь, что я не могу просто всё поставить на паузу?

— А я не могу обещать выход, чтобы тебе было легче звонить в кассу.

Слова прозвучали жёстче, чем Анна собиралась. Она ждала, что Марина рассердится.

Та посмотрела на список ещё раз.

— Поэтому мне и нужен срок.

Анна забрала свой сценарий. У двери остановилась.

— Марин, скажи хотя бы, что с Леной всё в порядке.

Марина потянулась к ноутбуку.

— Как узнаю, скажу.

В коридоре Анна достала телефон. Татьяна ответила: «Могу говорить в час. Завтра работаю до четырёх».

Она сохранила сообщение, ничего не обещая в ответ.

Потом написала Денису, чтобы пока не отменял свои вечерние планы, и пошла искать Павла. По дороге снова остановилась у лестницы.

На экране всё ещё оставалось её собственное сообщение Елене — без ответа. Анна открыла новый список: «Кого спросить». Первым записала имя Ирины. Потом убрала телефон и вернулась к рабочим звонкам.

Глава 3. Дверь за сценой

К четырём часам Анна успела поговорить с Татьяной, получить два отказа от техников и один раз пройти сцену с письмом, не дав ни одной команды в гарнитуру.

Это оказалось труднее, чем она ожидала.

Денис сел напротив и положил конверт между ними. На сцене он отдавал его стоя. Здесь они договорились обойтись без движений.

— Только текст, — напомнил он.

Анна кивнула.

Он произнёс свою реплику. Она ответила и сразу поняла, что сказала её привычным голосом, каким объясняла людям дорогу к служебному входу.

Денис подождал.

— Ещё раз?

— Да.

Со второго раза стало лучше. На четвёртом она перестала думать, сколько минут осталось до звонка Павлу. Ирина, проходившая мимо, постояла в дверях, послушала и ушла, ничего не сказав. Анна заметила её слишком поздно, чтобы спросить о Лене.

Через десять минут зазвонил телефон.

Денис посмотрел на него.

— Возьми.

— Мы же договорились.

— А вдруг она?

Это был мастер по реквизиту. Анна ответила, что письмо больше не нужно подклеивать. Попросила приготовить чистые конверты и снова села.

Денис перевернул свой текст.

— Начнём сначала.

После шестого повтора Анна наконец рассердилась на его героя. По-настоящему, без заранее подготовленного нажима. Он спрашивал Асю о деньгах, которые та уже вернула, и каждый вопрос заставлял её оставаться ещё на минуту.

В тексте был маленький разговор о сдаче. Денис всегда произносил его быстро, почти между делом. Сейчас он отложил письмо и начал считать монеты, которых на столе не было.

— Сколько? — спросила Анна.

— Она должна ждать. Это последняя причина её задержать.

Они попробовали ещё раз. Анна приготовилась к его паузе и опять ответила слишком рано.

— Ты уже всё знаешь за него, — сказал Денис.

Она откинулась на спинку стула.

Елена на репетициях часто просила партнёров не помогать ей. Анна тогда думала, что это каприз: зачем мешать человеку, который помнит твой текст и вовремя подхватит? Теперь она сама ловила любую подсказку. По движению Денисовой руки понимала, где он замедлится. Смотрела в страницу, хотя реплику знала.

— Убери сценарий, — попросила она.

Денис положил его на соседний стул.

От неожиданности Анна вдруг забыла два слова. Не смысл, не всё предложение — именно два слова в конце. Денис ждал. Она нашла их, сказала, и сцена пошла дальше.

Никто не поправил её. Не пришлось начинать всё сначала. Анна почувствовала неловкое, непривычное удовольствие от этой маленькой свободы ошибиться и продолжить.

— Давай ещё, — сказала она.

В этот раз она не следила, как быстро он считает деньги.

— Я вам всё передала, — сказала она.

Денис не ответил сразу. Потом тихо произнёс:

— Теперь поверил.

Анна почувствовала радость, за которую тут же стало стыдно. Елены всё ещё не было. Она закрыла сценарий.

— Я должна закончить звонки.

— Конечно.

Он поднялся. У двери обернулся:

— Это не её место навсегда, Ань. Ты пока репетируешь.

Она благодарно кивнула, хотя именно слово «пока» ей сейчас хотелось убрать.

* * *

В агентстве, через которое Елена иногда работала на съёмках, её сегодня не ждали. Женщина по телефону согласилась передать, что театр пытается связаться, но личных номеров не дала. Анна и не просила.

У знакомого фотографа Елена в последний раз была неделю назад. Он ответил голосовым сообщением и предложил посмотреть, не осталось ли у него её запасной зарядки. Анна поблагодарила и написала, что дело не в зарядке.

Потом долго стояла в коридоре с открытой перепиской.

Всем она сообщала одно и то же: Елена не пришла, не отвечает, если свяжется — пожалуйста, попросите дать знать, что с ней всё в порядке. Проговорённые вслух, эти слова начинали звучать слишком серьёзно.

Марина уже дважды спрашивала, готов ли список свободных окон.

Анна отправила его. В первом столбце стояли фамилии, во втором — часы, в третьем — то, что ещё предстояло подтвердить. Пустых клеток было много. Она не стала заполнять их обещаниями.

Следом написала: «С Леной есть новости?»

Ответ пришёл почти сразу: «Пока нет. В шесть зайди».

Анна прижала телефон ко лбу. Потом убрала его и спустилась к служебному входу.

Там пахло дождём и горячим асфальтом: во дворе чинили трубу. За оградой проехал трамвай. На соседнем здании заглясь вывеска пекарни, в которой Анна иногда покупала хлеб по дороге домой.

Она вдруг поняла, что сегодня так и не вышла на улицу.

Стояла в открытой двери, пока Зоя не позвала сверху:

— Аня, у тебя ключ от рабочего шкафа?

— В сумке. Что нужно?

— Ленин экземпляр. Хочу сверить смену платья. Она там подписала, в какой сцене ей мешает рукав.

Анна поднялась.

Шкаф стоял в комнате, где хранили рабочие сценарии, планшеты с планами перестановок и запасные батарейки. В нижнем отделении актёры оставляли сумки. Анна открыла только верхнюю дверцу.

Зоя взяла папку Елены, вытряхнула из неё несколько листов.

— Вот он.

— Можно посмотрю?

— Рабочий? Конечно.

На обложке было написано крупно: «Соколова». Анна знала этот почерк по бесконечным спискам вопросов, которые Елена приносила на репетиции. Та помечала даже места, где ей требовалось просто сесть. Не любила полагаться на память, когда можно записать.

Сначала Анна искала замечания по финальному выходу. Возле одной реплики стояли две стрелки и слово «раньше». Роман говорил об этом утром.

Она перелистнула ещё страницу.

Между сценами лежал тонкий лист без номера. Его заголовок был напечатан другим шрифтом: «Материал к презентации». Ниже шёл перечень коротких вставок. Анна знала, что Марина готовит партнёрам запись нового спектакля и разговор с режиссёром, но этим занимался Ветров, не она.

Возле третьей строки Елена написала: «Личное не показывать».

Потом ещё раз, сильнее нажимая: «Это к роли не относится».

Анна задержала палец на краю бумаги.

— Зоя, ты знаешь, что это?

Костюмерша заглянула через плечо.

— Я про рукав знаю.

— Ты видела эти вставки?

— Нет. Мне дали только расписание съёмки.

— А кто собирает материал?

— Ветров с Пашей, наверное. Спроси у них.

Зоя нашла нужное место, переписала номер сцены и закрыла свою тетрадь.

Анна положила лист обратно, но ещё долго держала папку раскрытой.

В первой строке списка было имя Ирины.

Она не стала фотографировать весь экземпляр. Записала себе только заголовок листа и его место в папке. Потом отнесла сценарий на полку.

— Мне нужен будет ещё раз, — сказала Зоя.

— Здесь и оставлю.

Нижнюю дверцу Анна не открывала. На ней висел шнурок от чьей-то сумки. Она поправила его, чтобы не зажало, и заперла шкаф.

В коридоре набрала Ирину. Та ответила не сразу.

— Я уже в автобусе.

— Можно завтра утром поговорить? До репетиции.

— О чём?

— В Ленином рабочем экземпляре есть лист к презентации. Там твоё имя и её пометка, что личное показывать нельзя.

В трубке стало тише. Ирина, вероятно, прикрыла телефон ладонью.

— Не обсуждай это с людьми в коридоре, — сказала она.

Анна оглянулась. Рядом никого не было.

— Я одна.

— Завтра приду раньше. И папку пока никому не отдавай.

— Она в рабочем шкафу. Зоя сверяла костюм.

— Хорошо. До завтра.

Ирина отключилась, прежде чем Анна успела спросить, знает ли она что-нибудь о Елене.

Анна снова открыла список контактов. Палец задержался над фамилией Ирины. Можно было перезвонить, надавить срочностью, сказать, что до завтра далеко. Она умела добиваться ответа от занятых людей. Иногда потом даже гордилась, что не отступила.

Вместо звонка написала: «Если знаешь, как передать Лене, что мы волнуемся, пожалуйста, передай. Адрес мне не нужен».

Ответ пришёл через несколько минут: «Передам».

Анна постояла у окна. Во дворе рабочие накрывали инструмент брезентом. Небо стало темнее, а время до завтрашнего показа всё ещё стояло в её расписании, как будто его можно было заполнить людьми и репетициями.

В шесть она пошла к Марине.

* * *

На экране продюсерского ноутбука был открыт текст объявления.

«По причине внезапного отказа исполнительницы главной роли...»

Анна дочитала первую строку и остановилась.

— Это уже куда-то отправили?

— Нет. Поэтому я тебя и позвала.

Марина подвинула ноутбук. Рядом лежал лист для внутреннего отчёта. Ветров стоял у шкафа с договорами и листал свою записную книжку.

— Нужно описать, что произошло, — сказал он. — Без истерики.

— Мы не знаем, что произошло.

— Лена не пришла на генеральную. Не отвечает. Показ завтра. Чего мы не знаем?

Анна посмотрела на Марину.

— Говорила с ней?

— Сегодня — нет.

Ответ был точнее прежних, но легче от него не стало.

Марина протянула ручку.

— Ты можешь написать, сколько раз звонила и на каких репетициях её не было. Просто факты.

Анна взяла лист. Вверху стояли название спектакля и завтрашняя дата. Ниже — готовый абзац о невозможности продолжать подготовку из-за действий исполнительницы.

— Под этим я не подпишусь.

Ветров поднял голову.

— Ты же её ждала с утра.

— Поэтому напишу, что её не было. А почему — не знаю.

Он закрыл книжку.

— Мы сейчас будем обсуждать каждое слово?

Анна почувствовала, как в горле пересохло. Полтора года назад она уже сидела за этим столом, читала формулировку, которая была удобна всем. В тот раз тоже казалось, что дело в нескольких словах.

Она положила ручку.

— Да. Если рядом будет моя подпись.

Марина забрала лист, прочитала абзац заново.

Ветров посмотрел в окно.

— Хорошо. Пишите.

Анна открыла пустой документ и набрала время общего сбора, звонки, сообщения. Перечислила тех, кто подтвердил, что Елену сегодня не видел. Отдельно написала: «Сведения о причинах отсутствия не получены».

Марина попросила добавить, что Анна проходила часть роли. Анна дописала: «Полная готовность замены к завтрашнему показу не подтверждена».

Ветров подошёл к столу.

— То есть ты тоже отказываешься?

Она медленно выдохнула.

— Я не обещала играть завтра.

— Я помню наш разговор.

— Тогда и это помни.

Сказать ему «ты» всегда было проще в рабочих мелочах: «посмотри свет», «подожди минуту». Сейчас Анна слышала в своём голосе резкость, от которой нельзя было отступить за вежливую формулировку.

Марина прочла текст и кивнула.

— Этот оставим.

Ветров взял пальто.

— Когда закончите с бумагами, нам ещё спектакль делать.

Он вышел.

Некоторое время Анна слышала его шаги на лестнице. Потом хлопнула наружная дверь.

Марина потянулась к чашке и поставила обратно, не отпив.

— Ты могла сказать это мягче.

— Могла.

— Нам всем завтра звонить людям.

— Давай сегодня.

Продюсерка посмотрела на неё.

Анна повернула ноутбук к себе и убрала из объявления причину, которой они не знали.

«Завтрашний показ спектакля “Открытая дверь” переносится. О новой дате мы сообщим отдельно. Если вы не сможете посетить спектакль в другую дату, обратитесь в кассу».

Она не стала дописывать обещание, что всё решится за день.

Марина долго смотрела в экран.

— У нас ещё нет новой даты.

— Поэтому здесь так и написано.

— Будут просить вернуть деньги.

— Да.

Анна уже слышала в голове чужое разочарование: билеты куплены давно, кто-то приехал из другого города, кто-то освободил вечер.

Но если оставить всё до завтра, эти люди придут к закрытой двери.

Марина отослала текст администратору и попросила открыть дополнительное время для обращений. Анна дождалась, пока та подтвердит получение.

Потом позвонила в кассу сама.

Первой покупательницей, с которой её попросили поговорить, оказалась женщина, купившая билеты родителям. Она всё время возвращалась к одному вопросу: почему сообщили так поздно.

Анна не стала объяснять ей, сколько у них сегодня было дел.

— Вы правы, — сказала она. — Мне жаль, что ваши планы сорвались. Сейчас касса расскажет, какие варианты есть.

— Мне не варианты нужны. Мама после операции первый раз собирается куда-то выйти. Мы месяц выбирали, — сказала женщина.

Анна замолчала. За окном кабинета кто-то громко смеялся. Из трубки было слышно, как покупательница передвинула стул по полу.

— А когда будет спектакль? — спросила она уже тише.

— Сегодня я не могу назвать дату.

Ей хотелось сказать «скоро». Простое слово, после которого разговор мог стать легче. Через неделю оно обернулось бы новым звонком от той же женщины.

— Тогда почему вы вообще продаёте билеты?

Анна взяла карандаш и снова положила.

— Когда продавали, мы рассчитывали сыграть завтра. Сейчас я хочу предупредить вас до того, как вы с родителями приедете.

Женщина некоторое время молчала.

— Ладно. Соедините с кассой.

Анна передала трубку. Минуту сидела, глядя на собственный список репетиций. В нём было восемь пунктов. У покупательницы был один: вывести маму вечером из дома. Этот пункт Анна выполнить не могла.

Марина поставила перед ней стакан воды.

— Я такие разговоры с утра веду, — сказала она.

Анна кивнула. Ей стало понятнее, почему продюсерке так хотелось найти виноватую фамилию для первого предложения объявления. От этого подписать его легче не стало.

Когда положила трубку, Марина уже собирала бумаги.

— Это пока всё, — сказала она.

Анна встала.

— Я ещё буду пытаться связаться с Леной. Если до вечера никаких сведений, я сообщу, что мы не можем до неё дозвониться.

— Куда сообщишь?

— Тем, кто может проверить, что с ней всё в порядке. Не в общий чат.

Марина посмотрела на неё и отвела глаза.

— Делай как считаешь нужным.

* * *

Внизу ещё горел свет.

Роман сидел на краю сцены и складывал в сумку рабочие вещи. Рядом стоял Денис и листал телефон.

— Утром собираемся? — спросил он.

— В девять, — сказала Анна. — Лена пока не ответила. Завтрашний показ перенесли, без новой даты.

Денис выругался себе под нос, потом поднял глаза.

— Понятно.

Анна не стала говорить, что всё обязательно наладится.

Он ушёл за курткой. Роман застегнул сумку.

— Вам ещё что-нибудь нужно на площадке?

— Проверить шкаф и выключить свет.

— Я подожду.

— Вам не обязательно.

— Я знаю.

Анна хотела сказать, что сама справится, но вспомнила свою запись про человека на ведении. Полчаса назад она объясняла Марине, почему невозможно одновременно делать всё. Теперь снова собиралась отправить помощь за дверь.

— Тогда подержите дверь, — сказала она. — Там замок заедает.

Роман поднялся.

Они выключили свет в зале, проверили служебный выход и вынесли мокрый пакет, который так и остался возле лестницы. Программки Анна успела разобрать днём; испорченных оказалось всего семь.

На улице пахло пекарней. За стеклом продавщица закрывала лотки.

Анна остановилась под козырьком и написала в театр короткое сообщение о завтрашнем сборе. Только время и место. Без объяснений за Елену.

Роман ждал рядом.

— Вы поедете домой? — спросил он.

— Сначала зайду кое-куда. Хочу узнать, что можно сделать, если человек не выходит на связь.

Он кивнул.

— Могу проводить до остановки.

— До остановки — да.

Они пошли вдоль трамвайных путей. Анна не рассказывала ему про лист в Еленином сценарии: Ирина попросила дожидаться разговора, а сама Анна ещё не знала, что увидела.

На переходе Роман задержался, пропуская женщину с коляской. Анна посмотрела на его сумку с выглядывающим рулоном белого скотча и вдруг вспомнила, как утром требовала убрать его с пола.

День казался гораздо длиннее.

У остановки они попрощались. Анна дождалась, пока он отойдёт, и снова достала телефон. Её последнее сообщение так и не получило ответа.

Она открыла карту, нашла ближайшее отделение и пошла пешком.

В дежурной части было тепло. За столом сидел человек в форме и заполнял бумаги. Анна дождалась, пока он поднимет голову.

— Я хочу узнать, как сообщить о человеке, с которым не можем связаться.

Он отложил ручку и попросил рассказать, что произошло.

Анна назвала Елену. Время последнего известного контакта. Театр. Свой номер. Отдельно сказала, что знает сама, а что ей только передали. Слова о завтрашней премьере оставила на потом.

Глава 4. Личное не показывать

Ирина пришла в восемь двадцать и первым делом попросила закрыть дверь.

Анна поставила на стол две чашки. Вчера по дороге домой она купила хлеб, а утром отрезала от него два ломтя и завернула в бумагу. Есть одной в пустой кухне не захотела.

Ирина посмотрела на свёрток.

— Сыр есть?

— В холодильнике.

— Тогда доставай. Мы здесь надолго?

— Не знаю.

Ирина сняла пальто. Повесила так, чтобы не капало на стул, и села.

Анна положила между ними рабочую папку Елены.

— Я не трогала её вещи. Это было среди сцен.

— Я поняла. Покажи лист.

Ирина читала медленно. Когда дошла до собственного имени, прижала край бумаги к столу. Анна увидела коротко остриженные ногти и старую мозоль на пальце.

— Ты знаешь, что туда собираются вставлять? — спросила Ирина.

— Нет. Ветров говорил о разговоре после спектакля. Марина — о записи для партнёров.

— Разговор после спектакля мы все умеем пережить.

Она вернула лист.

— Что-нибудь уже смонтировано?

Анна вспомнила папку на рабочем компьютере. Павел на прошлой неделе просил проверить правильность фамилий в титрах. Она тогда посмотрела только начало. В черновом списке стояли название театра, название спектакля и Ветров.

— Есть рабочий файл. Но я целиком не смотрела.

— Открой.

Они перешли в небольшую комнату рядом с пультом. Павел ещё не пришёл. Анна вошла в рабочий аккаунт, нашла папку, которой пользовались для подготовки.

На первом кадре Ветров сидел в пустом зале и говорил о доверии между людьми, делающими спектакль. Ирина поставила локти на стол, не отрывая глаз от экрана.

Анна хотела перемотать, но та покачала головой.

Потом появились несколько секунд репетиции. Елена у окна, Денис у стойки. Чёрный экран с названием следующего блока.

Ирина на записи сидела на обычном стуле, без костюма. Руки лежали на коленях.

Она успела произнести половину предложения.

— Останови, — сказала Ирина.

Анна нажала паузу.

В маленьком окне на экране осталось Ирино лицо. Совсем другое, чем сейчас: приподнятые брови, приоткрытый рот, будто она ждала ответа от человека за камерой.

— Это не из спектакля, — сказала Анна.

— Нет.

Ирина откинулась на спинку стула.

— Это закрытый этюд. После него мне обещали, что запись останется для работы и больше нигде не появится.

— Ты разрешала снимать?

— Для того, о чём договорились. Других разрешений я не давала.

Она взяла телефон и нашла письмо.

Анна прочла только то, что Ирина подвинула к ней: просьбу не использовать запись вне репетиционной работы и не включать в материалы для внешнего показа. Дата была прошлогодняя.

Ответ Ветрова состоял из двух строк. Он писал, что понял и что волноваться не о чем.

Анна проверила адресата. Обычная рабочая почта, с которой приходили замечания к сценкам и время сборов. Ирина не спрятала свою просьбу в случайном разговоре. Написала её так же, как просила заменить сломанный стул или перенести примерку.

— Я потом ещё раз напоминала, — сказала она. — Когда снимали первые куски для сайта. Тогда тоже обещали, что это совсем о другом.

— Ты видела готовое?

— Готовое тогда было без меня. Поэтому я и успокоилась.

Анна вспомнила короткий ролик, который сама пересылала знакомым. Свет, движения, улыбки после поклона. В нём всё выглядело легко. Никто не спрашивал помрежа, что осталось за пределами монтажа.

— Я не знала, что он взял этот кусок, — сказала она.

— Теперь знаешь. Мне достаточно, чтобы ты это помнила, когда будете решать, что отправлять.

Анна кивнула. Сказать «я всё исправлю» было бы легко. Она почти произнесла, но Ирина уже смотрела на экран и ждала ответа на другой вопрос.

Анна посмотрела на остановленный кадр.

Ей хотелось спросить, что именно было в этюде. В первой половине предложения не содержалось ничего страшного. Может быть, дальше шла самая обычная история. Именно это любопытство заставило её убрать руку с мыши.

Ирина закрыла письмо.

— Дальше смотреть не будем.

— Конечно.

— Я не прошу тебя решать за меня. Просто хочу знать, кто получил этот файл.

Анна открыла список общей папки. В ней лежали рабочие материалы нового спектакля и несколько версий презентации. По самим именам файлов понять, кому их отправляли, было невозможно.

— Это нужно у Марины спросить.

— Значит, спросим.

Ирина встала, но сразу не ушла.

— И ещё. Не называй это недоразумением до того, как тебе объяснят, что произошло.

Анна почувствовала, что краснеет.

— Я не называла.

— Я знаю.

Они некоторое время смотрели друг на друга. Анна поняла, что Ирина помнит тот отчёт не реже, чем она сама. Только у каждой в нём была своя роль.

* * *

За дверью заговорили. Пришли Денис и Роман.

Анна закрыла проигрыватель. Рабочий лист оставила на столе, личное письмо Ирина убрала в телефон.

— Доброе утро, — сказал Роман. — Есть десять минут до общего сбора. Мы можем пройти ваш переход?

Анна посмотрела на Ирину.

— Мне сначала надо поговорить с Мариной.

— Она уже здесь?

— Сейчас узнаю.

Роман заметил остановившийся разговор и отступил от двери.

— Я пока подготавливаю площадку. Скажите, когда сможете.

Ирина молча наблюдала, как он уходит.

Анна набрала Марину. Продюсерка ответила из машины: будет через пятнадцать минут.

За это время они вернулись на кухню. Ирина нарезала сыр тонкими полосками и положила на хлеб. Отдала Анне тот кусок, который оказался толще.

— Ты вчера доехала? — спросила она.

— До дома? Да.

— Ты говорила, что ещё куда-то пойдёшь.

Анна рассказала о вечернем обращении. Она не упоминала ни Ветрова, ни лист к презентации: тогда ещё не знала, что за ним стоит. Назвала отсутствие связи, последнее известное время, контакты. Ей предложили сообщать новые сведения; она оставила номер.

— Хорошо, что пошла, — сказала Ирина.

— Я не знаю, хорошо ли. Может быть, Лена просто хотела, чтобы мы все отстали.

— Это можно узнать только у Лены.

— Ты ей передала?

Ирина пожала плечами.

— Я передала твою просьбу. Больше сейчас сказать не могу.

Анна положила хлеб на бумагу.

— То есть кто-то с ней...

Ирина покачала головой.

— Я не хочу пересказывать то, чего сама не проверила. Если у неё есть возможность, она ответит.

Анна посмотрела на экран телефона. Ничего.

Она могла бы начать задавать вопросы иначе, обходя Иринино молчание. Уточнить, кому именно та передала просьбу. Спросить про сестру, про знакомых, про последний разговор. Ирина не стала бы придумывать чужие имена, чтобы отделаться.

Анна всё ещё видела перед собой Иринино лицо с остановленного кадра. Она откусила хлеб и оставила вопросы при себе.

— Хорошо, — сказала она.

Ирина ела молча. Потом подняла глаза.

— Я приду с тобой к Марине. Про мою запись я сама скажу.

Анна кивнула.

В коридоре Денис звал Зою. Кто-то включил рабочий свет в зале. Театр собирался на обычный день, в котором каждому было нужно получить несколько определённых ответов.

Анна встала, чтобы убрать чашки.

— Сначала доешь, — сказала Ирина.

— Я уже...

Она посмотрела на недоеденный хлеб и села обратно.

* * *

В кабинете Марина ещё не успела снять пальто. На столе лежали распечатки вчерашнего объявления и листы кассовых обращений. Она сняла очки, увидев Ирину.

— Что случилось?

— Мы посмотрели рабочую презентацию, — сказала Анна.

Продюсерка взглянула на неё, потом на папку.

— Она не готова.

— Моя запись там уже есть, — сказала Ирина.

Марина повесила пальто на спинку стула.

— Какая именно?

Ирина назвала этюд, не объясняя его содержание. Анна положила на стол список вставок из Елениного экземпляра.

— Вот эта строка.

Марина прочитала пометки на полях.

— Это Лена писала?

— Да.

— Надо выяснить у Аркадия.

— И у тебя, — сказала Ирина. — Кому файл отправили?

Марина открыла почту.

Вчера Анна смотрела на её таблицы с расходами и чувствовала себя человеком, который принёс нехоти собственные страхи. Теперь рядом сидела Ирина и спокойно ждала.

Марина нашла письмо партнёру. Черновик презентации был прикреплён к внутренней переписке с просьбой оценить формат. Внешнему адресату, по её словам, ушло только описание, без этого файла.

— Ты можешь это подтвердить письменно? — спросила Ирина.

— Могу прислать тебе, что отправляли.

— И что мой фрагмент до выяснения больше никуда не пойдёт.

Продюсерка посмотрела на Анну.

— Я не монтировала этот материал.

— Я не спрашиваю, кто нажимал кнопки, — сказала Ирина.

Марина вернулась к клавиатуре.

Анна ждала, пока она допишет. Руки хотелось занять: передвинуть бумаги, закрыть ящик стола, который мешал Марине сесть удобнее. Она сжала край папки.

— Мне нужно знать и про остальные записи, — сказала она. — Там есть пометка Елены. Я не могу вести подготовку, если мы не знаем, что собираемся показывать.

— На сцене ты ничего личного не производишь.

— Сейчас я про презентацию.

Марина откинулась на спинку стула.

— Хорошо. Составим перечень.

— С указанием, что согласовано, — сказала Ирина.

— Хорошо.

В дверь постучал Ветров и сразу вошёл.

— Мы работаем сегодня?

Ирина повернулась к нему.

— Сначала объясни, почему мой закрытый этюд оказался в презентации.

Он помолчал. Потом посмотрел на лист.

— Там несколько секунд.

— Ты читал моё письмо.

— Ирина, мы не используем всю историю. Это разговор о работе. Как мы приходим к роли.

— Я не согласна на эти несколько секунд.

Ветров положил записную книжку на стол. Движение было аккуратным.

— Давайте не будем обсуждать монтаж, не увидев результата.

— Мы его увидели, — сказала Анна.

Он посмотрел на неё.

Анна почувствовала прежнее желание уточнить: не всё, рабочий вариант, мы понимаем, что ты ещё не закончил. Но промолчала.

— Тогда уберём, — сказал он наконец. — Всё?

— Мне нужно подтверждение, — ответила Ирина.

— Марина пришлёт.

Продюсерка кивнула. Ветров взял книжку.

— Через десять минут в зале.

Когда дверь закрылась, Ирина поднялась.

— Я подожду письмо. Потом приду.

Марина ничего не ответила.

Анна осталась сидеть. У неё был ещё один вопрос, который вчера она дважды не сумела задать до конца.

— Лена тебе писала?

Продюсерка посмотрела на монитор.

— Мы это уже обсуждали.

— Нет. Вчера я спрашивала, говорила ли ты с ней в тот день. Ты ответила, что накануне обсуждали работу. Сейчас я спрашиваю про сообщение.

Марина потянулась к чашке, но та оказалась пустой.

— Писала.

Анна не сразу смогла спросить дальше.

— Когда?

— Позавчера вечером.

— До того, как не пришла?

— Да.

— Что именно?

Марина сцепила пальцы.

— Что не будет участвовать.

— Почему ты не сказала нам с утра?

— Я рассчитывала, что мы договоримся. Она могла передумать.

Анна смотрела на неё и вспоминала, как сушила рубашку, звонила, обходила людей с одним и тем же вопросом. Как стояла перед человеком в форме и называла последнее известное время, хотя в этом кабинете был более поздний ответ.

— Ты понимаешь, что мы думали?

— Я не говорила, что с ней случилось что-то плохое.

— Ты не говорила ничего.

Марина отвернулась к окну.

Анна подождала.

— Она написала, что с ней всё в порядке?

— Аня...

— Покажи мне сообщение.

Продюсерка закрыла окно почты.

— Личную переписку я сейчас показывать не буду.

Анна опустила взгляд на папку, в которой лежал список чужих личных фрагментов. Подумала, что если скажет это вслух, разговор закончится ссорой. Ей всё ещё нужен был ответ.

— Тогда передай ей, что я хочу услышать это от неё самой. Хоть одно предложение.

— Передам.

Анна встала.

У дверей обернулась.

— Я сообщу, что теперь знаю о её отказе участвовать. А не буду продолжать говорить, будто мы совсем ничего не получили.

Марина кивнула, не поднимая глаз.

* * *

В зале Роман ждал её возле декорации.

— Мы можем начать? — спросил он.

Анна посмотрела на столик, куда обычно клала свой рабочий сценарий. Сегодня он уже был раскрыт. Павел просматривал закладки.

— Через пять минут, — сказала она по привычке.

Роман не ответил.

Она поняла, как это прозвучало.

— Нет. Мне нужно позвонить. И ещё закончить один рабочий вопрос. Скажу, когда смогу.

— Хорошо.

— Вы не спросите какой?

— Если касается сцены — скажете сами.

Анна посмотрела на него. Ей хотелось выговориться, рассказать сразу всё: Ветров обещал убрать, Марина знала, Ирина дала письмо. Сказать, что в этом театре она уже не понимает, чему верить.

Но часть истории принадлежала Ирине. А про свою часть Анна пока не решалась заговорить.

— У нас проблема с разрешениями на презентацию, — сказала она. — Надо уточнить, какие фрагменты можно использовать.

Роман кивнул.

— Тогда пока без них.

Он произнёс это так просто, что Анна почти рассердилась. Вчера ей объясняли, сколько стоит любой отказ. Сегодня Роман предлагал до выяснения не использовать сомнительное, будто это тоже был вполне рабочий вариант.

Она подумала и поняла: он не знал, что именно она пытается удержать.

— Я позвоню, — повторила Анна.

Павел поднял голову от сценария.

— У вас там старые записи?

— Пока выясняем.

Он отвёл взгляд к экрану.

— Старое давно чистили.

— Что именно?

— Прогоны. Места не хватало.

Павел потянул к себе рабочий лист.

— Нам сейчас со второго выхода или с письма?

Анна узнала этот способ сменить тему: конкретный вопрос, на который у неё почти всегда находился готовый ответ.

— Пока ни с чего.

Она вышла в коридор. У окна Ирина читала письмо на телефоне.

— Прислала? — спросила Анна.

— Да. Что мой фрагмент до согласования не отправляют и в новый вариант не включают.

— А кому успели показать?

— Пока только рабочая группа. Я попросила список.

Анна кивнула.

Потом набрала номер, по которому вчера оставляла сведения. Сообщила, что узнала о более позднем контакте Елены с продюсеркой: отказ от участия, вечер накануне. Отдельно сказала, что сама Елену по-прежнему не слышала.

Когда закончила, в общем чате появился вопрос Дениса: «Есть что-то по Лене?»

Анна начала писать: «Она сама решила...» — и стёрла. Пока она знала только слова Марины.

Написала: «Марина получила позавчера вечером сообщение, что Лена не будет участвовать. Прямого подтверждения от Лены у меня пока нет».

Ирина прочитала через плечо и ничего не поправила.

Из зала донёсся голос Ветрова. Он спрашивал, можно ли наконец работать.

Анна закрыла чат, убрала телефон и пошла за своим сценарием.

Они начали со сцены у окна. Ирина стояла спиной к залу и складывала небольшую салфетку. По тексту она ждала, пока Ася скажет про отъезд. Анна произнесла первую реплику, вторую, потом вдруг сбилась. Вместо ответа всё ещё слышала Марину: «Я рассчитывала, что мы договоримся».

— Остановимся? — спросила Ирина.

— Нет. Ещё раз.

Анна взяла текст, посмотрела. Слова были простые. Нужно было сказать, что она не придёт в понедельник.

На втором повторе Ветров попросил Ирину развернуться раньше.

— Нам нужно увидеть твоё лицо.

— Сейчас или когда я услышу?

— Когда услышишь. Но залу тоже нужно его увидеть.

Ирина кивнула. Снова сложила салфетку. Анна смотрела, как она совмещает уголки, проводит пальцем по сгибу, расправляет ткань, когда края не сходятся. Никакой личной истории Ирина сейчас не рассказывала. В её руках была вещь, которую нужно закончить складывать.

— В понедельник меня уже не будет, — сказала Анна.

Ирина не повернулась сразу. Сначала положила салфетку на подоконник, аккуратно, как будто от этого ещё что-то зависело. Потом спросила свою короткую реплику.

Анна слышала в ней больше, чем вчера, и ответила тише.

Из зала некоторое время молчали.

— Оставим пока так, — сказал Ветров.

Ирина прошла мимо Анны к следующей отметке. На ходу коснулась пальцем страницы её сценария, показывая пропущенное слово. Ни улыбки, ни ободряющего кивка. Обычная работа с партнёршей.

Анне захотелось сделать следующую реплику точнее.

На перерыве она сама спросила Павла, можно ли на десять минут оставить один рабочий свет и пройти только текст. Без записи. Он пожал плечами: можно, если режиссёр не возражает.

Ветров в это время разговаривал с Мариной у двери.

— Десять минут на вторую сцену, — сказала Анна, подойдя. — Я пропускаю связку перед уходом Ирины. Хочу повторить.

Он посмотрел на неё, потом на часы.

— Работайте.

Анна вернулась на площадку. Ей впервые за утро удалось попросить о том, что требовалось ей самой, и не объяснять это пользой для всех остальных.

Телефон остался в сумке на соседнем стуле. Когда он коротко завибрировал, Анна всё же сразу подняла голову.

Это было сообщение Татьяны: она проверила свои ближайшие смены и могла прислать свободные часы.

Анна ответила: «Спасибо. Пришли, пожалуйста». Проверила, не появилось ли что-нибудь ещё, и положила телефон экраном вниз.

Ирина ждала.

— С начала? — спросила она.

— С начала, — сказала Анна.

Глава 5. Она жива

К вечеру в служебной комнате осталась одна чашка с чужой помадой на краю. Анна отнесла её к раковине, но воду не открыла: зазвонил телефон.

Номер был незнакомый.

Она ответила так быстро, что женщина на другом конце ещё не успела закончить первый вдох.

— Анна Дёмина?

— Да.

— Это Надежда, сестра Лены. Она разрешила мне вам позвонить.

Анна опёрлась свободной рукой о край раковины.

С утра у неё было чувство, что она непрерывно поднимается по лестнице. Разговор с Ириной, лист с ограничением показа, признание Марины, что сообщение было. Вчера Анна попросила Ирину передать Елене: пусть с ней свяжется человек, которому та доверяет. Не режиссёр, не продюсер. Кто-то, кто действительно знает, где она и как себя чувствует. После этого оставалось ждать.

— Лена у меня, — сказала Надежда. — Она сама приехала. С ней всё в порядке.

Анна закрыла глаза.

Вентилятор над раковиной гудел с коротким дребезгом. На пальце чувствовалась засохшая капля от чужой чашки. Всё это продолжалось, хотя только что должно было прекратиться что-то гораздо большее.

— Вы её сейчас видите?

— Да. Она в соседней комнате.

— А разговаривать может?

— Может. Сегодня не хочет.

Анна выпрямилась.

— Я понимаю. Простите. Просто мы со вчера...

— Я знаю.

В голосе Надежды не было ни просьбы успокоиться, ни сочувственного удивления. Она говорила устало, словно за этот день несколько раз отвечала на вопросы, которые люди считали разными.

— Нам не нужно знать адрес, — поспешно сказала Анна. — Я только хотела убедиться, что она в безопасности.

— Вот это я и могу подтвердить. Приехала добровольно. Родные знают. Никакой помощи, чтобы её найти, не требуется.

Анна посмотрела на листок возле телефона. На нём оставались две фамилии, знакомый номер и вопросительный знак. Последним она собиралась звонить человеку, который иногда подвозил Елену после вечерних спектаклей.

Теперь этот звонок был не нужен. Как и попытка съездить по последнему известному адресу.

— Я сообщала в дежурную часть, что с ней нет связи, — сказала Анна. — Оставила свой номер. Я должна сказать им, что вы позвонили и Лена подтвердила, что сама ушла.

— Скажите. Лена в курсе, что вы обращались.

— Я адреса не знаю, — ответила Анна.

— Можно я скажу остальным, что вы со мной говорили?

— Что я её сестра и что она у родных, да. Больше ничего. Лена отдельно вам напишет. Пожалуйста, не передавайте мой номер Аркадию.

— Не передам.

Пауза оказалась короткой, но Анна успела услышать, как где-то рядом с Надеждой открыли шкаф и звякнуло стекло. Обычный домашний звук. Елене могли сейчас наливать чай.

— И не приезжайте искать, — добавила Надежда. — Даже из лучших побуждений.

Анна убрала листок от раковины: вода из крана всё-таки капала.

— Хорошо.

Ей хотелось спросить о Маше, Лениной дочери, о том, кто ещё рядом, о том, давно ли Елена решила уехать. Ещё вопросы обещали только немного отсрочить конец разговора.

— Спасибо, что позвонили, — сказала она.

Закончив разговор, Анна ещё держала телефон ладонью к уху. Потом положила его на сухое место и села на табурет.

Лена была жива.

Не где-то в абстрактном «всё выясняется», не в чужом пересказе, удобном для репетиции. У сестры, в соседней комнате. Могла разговаривать и выбрала не разговаривать.

Анна рассмеялась один раз, без звука. Тут же стало стыдно, будто облегчение было неуместно в такой грязной комнате. Она встала, вымыла чашку и поставила вверх дном. На это ушло меньше минуты. Впервые за сутки минута никуда её не торопила.

* * *

Сообщение пришло, когда Анна уже дописывала Надежде: «Ваш номер никому не передам».

«Аня, это я. Надя позвонила с моего разрешения. Я в безопасности и уехала сама. Через Аркадия меня не ищите. В спектакль не вернусь. О причинах пока говорить не готова. Можно сказать это в театре. Остальное не пересылай».

Анна прочла дважды. На экране над сообщением оставалось её вчерашнее: «Мы волнуемся. Дай знать, что ты в порядке».

Она начала ответ: «Ты хоть понимаешь...»

Удалённые слова ещё секунду стояли перед глазами. Понимает ли Елена, что Анна не спала половину ночи; что Денис порывался ехать по старому адресу; что в кассе сегодня слушали людей, приехавших из другого конца города. Всё это произошло. Всё это не давало Анне права начинать разговор с предъявленного счёта.

Она набрала: «Спасибо. Я поняла. Адрес искать не буду. В театре передам только то, что ты разрешила. Если понадобится что-нибудь рабочее — напиши, отвечу».

Перед отправкой убрала последнюю фразу. О работе Лена сегодня уже сказала всё.

«Если захочешь связаться, я на этом номере».

Отправила.

Потом нашла номер, по которому вчера уточняла, как сообщить об отсутствии связи. Продиктовала своё имя, объяснила, что получила прямое сообщение Елены и поговорила с её сестрой. На вопросы ответила только то, что знала. Обещать перезвонить с адресом не стала.

Закончив, Анна зачеркнула на листке вопросительный знак. Телефон Лены больше не был номером, по которому она собиралась звонить каждые полчаса.

Несколько секунд смотрела на экран, ожидая ответа. Потом перевернула телефон.

На столе лежал новый экземпляр расписания. Напротив завтрашнего утра пока не было ни одной фамилии. Анна привыкла оставлять Елене место даже после того, как Ветров предложил роль ей. До этого звонка ещё можно было думать: Лена вернётся, выругается, поставит чашку на пульт и спросит, кто опять унёс её карандаш.

Теперь следовало перестать занимать для неё место.

Анна зачеркнула слово «уточнить» в верхней строке. Под ним написала: «Замену готовим без расчёта на возвращение Елены».

В комнату заглянул Денис. Он держал куртку за воротник, собирался домой.

— Новости есть?

— Да. Лена у родных. В безопасности. Сама уехала.

Он выпустил воздух через зубы и прислонился к косяку.

— Ну слава богу. А чего молчала-то?

Анна тоже хотела это спросить. Пока сестра не сказала: «Сегодня не хочет».

— Сейчас не готова говорить. Возвращаться не будет.

— Вообще?

— В этот спектакль.

Денис посмотрел на её расписание.

— Ты точно?

— Да. Лена сама мне это написала.

— Ладно. Тогда завтра я в десять?

— Я ещё не знаю. После разговора с Мариной напишем всем.

— Все сообщения теперь от тебя?

Она чуть не сказала «да».

— О дате — от Марины. Про репетицию уточню.

Денис кивнул и натянул куртку. Уже из коридора донеслось:

— Ань, я в кассу скажу только, что жива. Хорошо?

— Скажи, что в безопасности и сама ушла.

Он повторил, словно запоминал новую реплику, и ушёл.

Анна открыла дверь кабинета Марины.

* * *

Марина стояла у стола. Перед ней лежал калькулятор, на экране телефона светился длинный текст. У окна Ветров разговаривал вполголоса; увидев Анну, он закончил звонок.

— Нашлась? — спросил он.

— Лена сама связалась. Она в безопасности. Живёт у родных.

Марина опустилась в кресло. Рука с телефоном легла поверх бумаг.

— Хорошо.

Это «хорошо» раздражало больше, чем Анна ожидала. Марина произнесла его как человек, который с самого начала знал ответ и теперь получил разрешение выдохнуть вместе со всеми.

— Возвращаться она не будет, — добавила Анна.

Ветров убрал очки в нагрудный карман.

— Сейчас ей так кажется.

— Она разрешила передать именно это.

— Аня, я знаю Лену не первый год. После отдыха мы с ней спокойно поговорим.

— Она попросила не искать её через вас.

Он посмотрел на неё не сразу. Сначала поправил край лежавшего на столе конверта.

— Через меня её никто и не искал.

— Тогда это легко выполнить.

Марина подняла глаза.

Анна почувствовала, как пересохло во рту. Она не готовила эту фразу. Получилось резко, почти по-хамски, и сразу захотелось смягчить: я не это имела в виду, мы все устали. Вместо этого она положила перед Мариной телефон.

— Текст я не пересылаю. Она разрешила сообщить рабочие факты. Прочитай вот эту часть.

Марина прочла, не взяв аппарат в руки.

— Я собиралась написать труппе, — сказала она. — Что в связи с состоянием ведущей актрисы...

— Не надо так.

— Я ещё не договорила.

— Не надо про её состояние. У нас есть её решение. Она ушла и не будет играть. Мы знаем, что она в безопасности.

Ветров негромко усмехнулся:

— Теперь каждое слово будем утверждать втроём?

Анна смотрела на Марину. На листе под её рукой стояло слово «нестабильность». Его успели обвести карандашом.

Полтора года назад Анна тоже выбирала слово вместо действия. Удобное слово, после которого не требовалось перечислять, кто что сказал и кто продолжил работу. Тогда в отчёте осталось про эмоциональное состояние Ирины. Сейчас ещё можно было не дать такой строчке появиться.

— Не называй её нестабильной, — сказала Анна. — Она прислала ясное сообщение.

Марина прикрыла черновик ладонью.

— У меня нет цели её оскорбить.

— Тогда напиши, что причина замены — её отказ от участия. И что время нового показа мы согласуем завтра.

— Завтра не факт, что согласуем.

— Значит, срок сообщения о дате. Но без обещания, что мы вернём Лену.

Ветров взял со стола свой сценарий.

— Работать всё равно кому-то придётся. Я завтра в одиннадцать в зале.

Он прошёл мимо Анны, задержался в дверях.

— Хорошо, что ты так защищаешь коллегу. Надеюсь, о спектакле тоже не забудешь.

Анна не ответила. Очень хотелось ответить достойно и сразу, но на это потребовалось бы ещё одно усилие. Сейчас она могла только дожидаться, когда дверь закроется.

Марина достала из-под ладони черновик и перевернула его.

— Я знала, что она у сестры. По сообщению. Но не знала, насколько всё серьёзно.

— Ты знала, что мы её ищем.

Марина потёрла переносицу.

— Да.

Анна ждала продолжения. Объяснения, оправдания, просьбы учесть обстоятельства. Марина ничего не добавила.

— Напишешь сама? — спросила Анна.

— Сейчас.

— И что прежнего состава не будет.

— Это я услышала.

На этот раз Анна позволила себе выйти, не проверяя каждую набранную букву.

* * *

У гримёрной Ирина застёгивала чехол с платьем. Анна остановилась, чтобы сказать ей о звонке, и не успела начать.

— Денис уже заходил, — сказала Ирина. — Я поняла.

— Я попросила Марину написать всем.

— Это правильно.

В комнате за спиной Ирины висело небольшое зеркало. В нём отражался стол, полоска лампочек и край Анниного лица. Она подумала, что теперь можно спросить о письме ещё кое-что. Больше не требовалось искать Лёну, и освободившееся место сразу хотелось занять следующей задачей.

Ирина перехватила чехол поудобнее.

— У тебя всё?

— Да. То есть... Ты не знаешь, она собирается совсем уходить из профессии?

— Спроси у неё, когда захочет говорить.

Анна кивнула. Потом почему-то произнесла то, что не стала писать Лёне:

— Мы ведь не все на неё давили.

Ирина посмотрела на неё поверх молнии чехла.

— И?

— Ничего. Просто мы правда волновались.

— Я тоже.

В дверях показалась Зоя с пакетом плечиков. Ирина посторонилась, впуская её. Анна автоматически подхватила пакет за нижний край, но Зоя уже поставила его на пол.

— Завтра брюки Денису не потеряйте, — сказала она. — Он их вечно под рубашки прячет.

— Подпишу шкаф, — ответила Анна.

— Там уже подписано. Читать пусть научится.

Зоя выключила лампы над большим зеркалом, оставив Ирине одну настольную. Вместе с ярким светом ушло ощущение, что рабочий день ещё можно бесконечно продлевать.

Анна отступила в коридор. Ирина вышла следом.

— Я не про то, что она должна вернуться, — сказала Анна. — Я хотела бы, чтобы знала: могла просто сказать нам.

— Она могла сказать, — ответила Ирина. — А ты могла не поверить, что этого достаточно.

Слова прозвучали без повышения голоса. Анна взялась за лямку сумки, съехавшую с плеча.

— Сегодня поверила.

— Сегодня да.

У Ирины из кармана пальто высунулась перчатка. Анна хотела поправить её, чтобы не выпала, и удержалась: Ирина сама заметила, убрала поглубже.

— Тебе не кажется, что она всех оставила? — спросила Анна.

Ирина долго не отвечала. Анна успела пожалеть о вопросе. Ей слишком хотелось получить ответ, после которого можно продолжать чувствовать себя хорошей коллегой.

— Кажется, — наконец сказала Ирина. — Сегодня я должна была играть. Мне нужны эти показы. И я не хочу, чтобы Лёна возвращалась потому, что нам без неё плохо.

Она придержала чехол локтем и протянула Анне маленькую вешалку, случайно зацепившуюся за молнию.

— Отнеси, пожалуйста, Зое. Это её.

Анна взяла вешалку. Маленькая просьба оказалась почти облегчением: её можно было выполнить, не споря о том, чего никто не хотел отдавать.

— Хорошо.

— Иди домой потом, — сказала Ирина. — Завтра ещё будем злиться.

Анна хмыкнула.

Она отнесла вешалку, погасила лампу в гримёрной и проверила только свою сумку. Список реквизита остался на столе. Анна заставила себя пройти мимо: завтра им займётся тот, кто откроет комнату первым. Пока Анна не представляла, кто это может быть, кроме неё.

* * *

Она задержалась у сцены, чтобы выключить забытый свет в боковом кармане. В зале сидел Роман: на коленях лежала схема, в проходе стояла закрытая сумка.

— Вам не выключать? — спросила она.

— Я закончил. Есть новости?

Анна рассказала коротко. На словах «сама уехала» у неё впервые дрогнул голос. Роман положил карандаш на схему.

— Хорошо, что связалась.

— Да.

Он не спросил, куда именно она уехала и что случилось. Анна зачем-то добавила:

— Подробности я не знаю.

— Если появятся условия для нашей работы, сообщите.

— Она не вернётся. Я не стала просить.

— Вы хотели?

Анна посмотрела на стойку, оставшуюся в полутьме.

— Очень.

— Понимаю.

— Даже после того, как она написала. На одну репетицию. На разговор с Мариной. Я уже думала, как это сказать, чтобы не прозвучало просьбой вернуться.

Роман чуть наклонил голову.

— А получилось бы?

Анна улыбнулась краем рта.

— Нет.

Он поднял сумку. Она выключила свет. В коридоре пахло влажной уборкой: кто-то уже прошёл полы, и у служебной двери осталась узкая сухая дорожка.

Анна вышла первой, подняла воротник. Дождя не было, но козырёк всё ещё ронял капли с одного края. Роман придержал дверь и отступил, чтобы она смогла запереть.

— Вы на трамвай? — спросил он.

— Да.

— Мне в ту же сторону.

Они шли молча до перехода. Анна привыкла заполнять дорогу вопросами: во сколько завтра, какой обувью пользоваться, успеет ли он на дополнительную проверку. Теперь она видела, как в закрытой булочной девушка вытаскивала противни из витрины. На окне аптеки отклеился угол рекламы. У реки стояла машина с открытым багажником, человек пытался запихнуть в него детский велосипед.

Ладин занимался своими вечерними делами. Вчера это казалось Анне почти обидным.

На остановке горело электронное табло. До её трамвая оставалось девять минут.

Телефон завибрировал в кармане. Марина написала в общий чат: «Елена сообщила, что находится в безопасности. Решение уйти принято ею самостоятельно; участие в постановке она не продолжает. Просьба не пытаться выяснять её адрес. О новом графике и дате показа сообщим завтра после рабочего совещания».

Следом Денис прислал поднятый большой палец. Зоя — короткое «Спасибо». Ирина прочитала, но ничего не написала.

— Исправила, — сказала Анна.

— Марина?

— Да.

Она убрала телефон. Рядом на скамье лежал мокрый рекламный листок; Анна машинально потянулась поднять, потом увидела у урны женщину со щёткой. Та протянула руку, забрала бумагу и недовольно посмотрела на Аннины руки.

— Перепачкаетесь.

— Уже, — сказала Анна.

Роман посмотрел на серый след у неё на пальце.

— Производственная травма?

— Чашка.

— Сложный участок.

Она рассмеялась. На этот раз нормально, довольно громко. Женщина со щёткой ушла к следующему павильону.

Когда подошёл трамвай, Анна вдруг подумала, что могла бы не уезжать: вернуться в театр, за час набросать график, подготовить для Марины три варианта. Завтра это сохранило бы всем время.

Двери открылись.

— До завтра, — сказал Роман.

Он не стал напоминать ей, что надо отдохнуть.

Анна поднялась на ступеньку.

— До завтра.

В вагоне нашлось свободное место у стекла. Она села, поставила сумку на колени. Мимо поплыли окна бывшей типографии; в одном ещё горел свет. Завтра ей предстояло прийти туда с планом, в котором Елена больше не была скрытым запасным выходом.

Анна достала телефон и поставила будильник на обычное время. Затем открыла сообщение Лены, ещё раз прочла начало и ответила одним словом:

«Рада».

Глава 6. Тридцать четыре дня

У кассы пахло новой краской и холодным кофе. На стекло изнутри приклеили лист о переносе, и в слове «дата» отпечатался палец: бумагу трогали, пока краска не высохла.

Анна встала рядом с кассиршей, пока та разговаривала с пожилым мужчиной.

— Мне обмен не нужен, — сказал он. — Я живу в другом городе.

— Конечно. Напишите, пожалуйста, здесь...

— Вы поймите, я не ругаюсь. Мы с женой специально...

Кассирша подвинула бланк ближе. Рука у неё дрожала от усталости, хотя было только начало одиннадцатого.

Анна взяла со стола второй бланк, объяснила мужчине, где указать способ покупки. Он заполнял медленно, печатными буквами. Внизу вместо подписи сначала поставил сегодняшнее число, зачеркнул и сердито вздохнул.

— Я не на вас, — сказал он кассирше.

— Понимаю.

Когда он ушёл, она опустила голову на несколько секунд.

— Им всем хочется рассказать, почему именно они не могут прийти потом.

— Хочешь, я пока побуду здесь?

— Нет. Ты сейчас унесёшь мой список к Марине, потом я его до вечера искать буду.

Анна убрала протянутую руку.

Кассирша развернула к ней экран. Часть зрителей уже попросила возврат. Другие ждали дату. Ни один из этих людей пока не был зрителем нового спектакля, на которого можно рассчитывать в смете.

— Давай я сделаю тебе копию, — сказала кассирша. — А ты пообещаешь не звонить мне каждые десять минут.

— Каждые двадцать?

— После обеда.

Анна дождалась распечатки. На листе были строки, суммы, отметки о способах оплаты. В одном месте кассирша написала от руки: «Ждут ответа до вечера».

Это было гораздо понятнее любых слов о судьбе театра.

* * *

В кабинете Марины переставили стулья так, чтобы четверо поместились возле стола. Анна села на край, Ветров — у окна. Роман оставил сумку возле двери. Сесть его пригласила Марина, когда он уже стоял несколько минут.

— Давайте начнём с того, что обещать нельзя, — сказала она.

Анна положила кассовую распечатку между ними.

— Что все сохраняют билеты. И что мы возьмём внешнюю замену и сыграем через неделю.

Ветров откинулся на спинку.

— Коллегу можно найти.

— Можно, — ответила Анна. — Ей придётся заново пройти роль, контактные сцены и общий прогон. Текст за неё не выучишь.

Она заметила, что Роман посмотрел на неё. Не в подтверждение, скорее внимательно: ещё недавно ему приходилось объяснять ей почти то же самое.

Марина развернула ноутбук.

— Внешней актрисе мы оплачиваем подготовку. А не только вечер. При этом работу Ани по передаче дел всё равно кому-то отдаём.

— Читку через неделю можем сделать, — сказал Ветров. — С хорошей музыкой и разговором после.

— Как отдельное событие, — ответила Марина. — Тем, кто согласится. Но это не заменяет спектакль, на который проданы билеты. Возвраты всё равно придётся провести.

Она открыла другую таблицу.

Анна знала, что денег мало. Знала эту нехватку по вещам: один и тот же ремень переставляли между костюмами, обогреватель принесли из дома, новую петличку не купили. Но цифры показывали другое. Нельзя было просто ещё месяц потерпеть, затем открыть двери и получить всё потраченное обратно.

— Полная отмена? — спросил Роман.

Марина не закрыла таблицу, хотя Ветров отвёл взгляд.

— Платим за сделанное. Возвращаем билеты на отменённый блок. Договариваемся о сроках по остальным обязательствам. Убираем новые расходы. Несколько работ осенью не запускаем.

Она переложила лист с перечнем платежей.

— Театр не исчезнет завтра. Но люди потеряют часть будущих смен. Некоторые, наверное, уйдут в другие места. Я не могу обещать им, что зимой всё наведем.

Анна посмотрела на свою фамилию. Рядом стояло несколько будущих дат ведения спектакля. Сейчас они были залиты серым.

Ей вдруг захотелось сказать, что она может обойтись без отдельного актёрского гонорара. Пока другие не увидели, сколько стоит её возвращение.

Она потянула к себе ручку и вместо этого обвела дату следующей выплаты.

— За прошедшие репетиции срок остаётся?

— Остаётся, — сказала Марина. — Это уже заработано.

Роман положил перед ней своё расписание.

— Чтобы подготовить замену, нужно разнести актёрскую работу и ведение. На отдельных встречах с Денисом Анна не должна параллельно отвечать за общий процесс.

— Это у нас уже принято, — произнёс Ветров.

— Человека ещё нет.

Марина перевела взгляд на Анну:

— У тебя был вариант?

— Татьяна Миронова. Мы вместе вели фестивальную площадку три года назад. Она сейчас заканчивает короткий проект. Мы переписывались ещё в день прогона. Сегодня я уточнила, пока без обещаний.

— Хороший человек, — сказал Ветров. — Только она привыкла к большим сценам.

— К маленьким тоже. На фестивале у нас было две комнаты и проход через кухню.

— И она свободна?

— Сегодня ответит. Я могу позвонить при вас.

Марина кивнула. Анна вышла в коридор, чтобы не говорить через стол с тремя наблюдателями. Пока шёл вызов, ей пришлось убрать с подоконника свой же старый блокнот, чтобы поставить телефон. На обложке стояло: «НЕ ЗАБЫТЬ». Большие буквы теперь казались довольно неудачной системой хранения.

Татьяна ответила спокойно, без удивления. Попросила назвать дату, число репетиций, людей на площадке и порядок передачи сценария. О том, что Елена ушла, сказала только:

— Личные обстоятельства мне пересказывать не надо. А действующую партитуру пришли.

— Она пока меняется.

— Значит, отметить, что меняется. И кто утверждает.

Анна посмотрела в открытую дверь кабинета.

— Это тоже сегодня решаем.

Татьяна согласилась приехать на следующий день для знакомства с площадкой, если Марина до вечера подтвердит оплату подготовки и число смен. Никакого «для своих» и «потом сочтёмся» не прозвучало. Анна поймала себя на том, что ей приятно это слышать.

В кабинете она передала условия, ожидая торга. Марина записала их.

— Пришли мне контакт. Разговаривать по оплате буду сама.

Анна уже открыла чат, чтобы добавить Татьяне сведения о сигнализации, и остановилась. Для этого ещё будет отдельное время.

— Когда можно будет выпускать спектакль? — спросила Марина у Романа.

— После полного прогона с новой исполнительницей и отдельным ведением. Я обозначил минимальные этапы. Если они не выполнены, сам календарь нас не спасёт.

— Дата всё равно нужна.

Он подвинул лист ближе. Анна наклонилась над ним одновременно с Мариной.

Сначала отдельные эпизоды, затем сцены, потом связки без остановок. Выходы и предметы проверялись в тех костюмах, в которых собирались играть. Внизу было оставлено место для повторной проверки, а не вписана бодрая галочка заранее.

— Вот это утро занято приёмкой звука, — сказала Анна.

— У вас?

— У театра.

Она посмотрела на свою запись и зачеркнула фамилию над временем. Написала: «Павел, уточнить с Мариной».

— А если мне срочно понадобится уточнить по постановке? — спросила Марина. — Бывает же, что все стоят и ждут одного ответа.

Анна уже кивнула, но Роман перевёл карандаш на соседнюю строку.

— Для этого здесь время после отдельной сцены. Пятнадцать минут на вопросы.

— То есть до того мне ей не звонить?

— На саму репетицию — нет, если вопрос может подождать. Вы же не звоните Денису посреди монолога.

Марина усмехнулась:

— Иногда звоню.

— Тогда и ему не звоните.

Анна смотрела на две графы: «Актёрская подготовка» и «Передача ведения». Всего несколько прямоугольников, но они требовали от неё нового навыка. Нужно было не только объяснить другому, где лежат ключи, но и выдержать, что другой откроет не тот ящик, потратит лишнюю минуту, позовёт Павла вместо неё.

— По зданию к кому обращаться? — спросила она.

— Ко мне, — сказала Марина. — Доступы я Татьяне оформлю сама. Аварийные контакты обновим. Тебе не нужно оставаться круглосуточным запасным телефоном.

— Я не круглосуточный.

Марина посмотрела на неё с тем коротким выражением, которое Анна сама видела в зеркале после двух ночных звонков подряд.

— Вчера ты прислала мне фотографию сломанной вешалки в половине первого.

— Я боялась забыть.

— Вот. Вешалка до утра дожила.

Анна вспомнила фотографию. Она сделала её уже в пальто, возвращаясь за забытой зарядкой. Тогда это казалось разумным: ещё один вопрос, который не придётся держать в голове. На самом деле он просто переехал в чужой телефон.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я укажу, что решения по зданию у тебя. Не буду писать Татьяне: «Если что, всегда звони мне».

Роман поднял глаза от листа. На мгновение ей показалось, что он улыбнулся, но он только кивнул и продолжил отмечать часы.

Ветров постучал дужкой очков по столу.

— Мы собираемся ставить спектакль или сдавать строительный объект?

— Спектакль, — сказала Анна. — Мне нужно время на Асю. Иначе я буду выходить, чтобы между репликами проверять, не пропущен ли вызов.

Роман молчал.

Марина подвела карандашом черту.

— Вот на этот вечер зал свободен. Это последняя дата, когда Громов готов приехать посмотреть.

Анна подняла голову.

— Гастрольный партнёр?

— Пока потенциальный. Виктор Громов. Есть письменное предложение на просмотр согласованной версии. Дальше у них формируется свой сезон, ждать бесконечно не будут.

— Я с ним разговаривал, — сказал Ветров. — Нас там ждут.

— Ждут посмотреть, — уточнила Марина. — Контракта нет. И дохода от него в этой таблице нет.

Анна сосчитала календарные клетки. Тридцать четыре вместе с сегодняшней и днём показа. Тридцать три дня до новой даты. Времени было гораздо больше, чем вчера, и почему-то оно выглядело меньше.

— Презентация архива входит в просмотр? — спросила она.

Ветров закрыл сценарий.

— Это отдельная часть нашей работы с партнёром.

Марина ответила прежде, чем Анна успела возразить:

— Любые записи — только после проверки разрешений. Мы вчера начали, сегодня я отправлю запросы. Сам показ спектакля от личных материалов зависеть не должен.

Анна услышала в этом осторожное «не должен» и не стала принимать его за окончательное решение. Но в таблице напротив презентационного съёмочного дня Марина поставила ноль.

Отменили новую рекламную съёмку, дополнительную печать и переделку части оформления. За уже выполненное оставили обязательства. На подготовку Татьяны выделили отдельную строку; ради неё убрали несколько будущих организационных смен Анны.

— Роль оплачивается по другому расчёту, — сказала Марина. — Пришлю тебе оба условия письменно. До того, как согласишься окончательно.

Анна кивнула. Она уже прикинула свою квартиру, проезд, еду. Получалось тесно. Обещать себе, что показы обязательно всё выровняют, было бы тем же подсчётом несуществующих билетов.

— Да. Присылай.

Ветров встал первым.

— Значит, начинаем работать. Завтра в одиннадцать.

— В одиннадцать отдельная сцена с Романом и Денисом, — сказала Анна, сверяясь с новым листом. — Общая с вами в час.

Он посмотрел на неё, затем на Романа.

— Хорошо. Посмотрим, что вы подготовите.

Когда дверь закрылась, Марина нажала на карандаш так, что грифель сломался. Она собрала крошки на листок, свернула и бросила в корзину.

— Одно перенесение, — сказала она. — Дату людям называем один раз. Если к ней не готовы, возвращаем деньги, а не сочиняем следующую надежду.

Анна подписала согласованный график. Ей хотелось почувствовать победу. Пока чувствовалась только голодная слабость под рёбрами.

* * *

К вечеру в кассе вывесили новый лист. Кассирша позвонила сама и прочла формулировку, прежде чем дать её в печать. Новая дата, возможность возврата, контакт для вопросов. Без обещания уникального события, без объяснений о чужом характере.

Анна исправила одну опечатку и вернула лист сразу.

В телефоне появилось сообщение от Татьяны: «Условия получила. Завтра в 9:30 буду. Пожалуйста, не готовь всю передачу ночью. Сначала посмотрим вместе».

Анна перечитала последнюю строку. Потом всё же отправила действующий рабочий сценарий и короткий список того, что в нём менялось. На этом остановилась.

До кухни она добралась не сразу. В рабочей комнате пришлось освободить для Татьяны полку возле пульта и собрать то, что не помещалось в отправленном файле: бумажные схемы, запасные бланки, лист с перестановками. Анна вытаскивала каждый и видела, сколько сведений за последние месяцы держала в собственной памяти.

На схеме входа Ирины стояло «как обычно». Анна зачеркнула и описала, с какой стороны та выходит. На следующей странице было «Паша знает». Она позвала Павла, и выяснилось, что он знает совсем другой вариант.

Они сверили две страницы, не ругаясь. Павел подвинул батарейки, чтобы освободить ей место.

— А мне теперь у Татьяны спрашивать?

— По ходу спектакля — да. По новой сцене сначала договоримся вместе.

— Непривычно будет.

— Мне тоже.

Он забрал лист. Анна осталась стоять с пустыми руками, словно из них вынули телефон, которым она собиралась пользоваться.

Зоя заглянула спросить о костюмной оплате. Раньше Анна записала бы вопрос себе, потом дважды напомнила Марине, затем передала ответ. Сейчас она дала Зое номер кабинета и сказала, что Марина ещё на месте.

— Так я знаю, где она сидит, — ответила Зоя. — Просто ты обычно быстрее.

Анна почувствовала укол почти приятной обиды. Её ценили за то, как легко было передать ей неприятный разговор.

— Сегодня надо у неё уточнить. Я могу придумать только предположение.

Зоя помолчала, потом кивнула:

— Верно. Ладно, пойду, пока не сбежала.

Когда шаги стихли, Анна прижала ладонь к освобождённой полке. Чужое место возле пульта выглядело сейчас убедительнее подписи под графиком. Она положила туда папку корешком наружу, чтобы Татьяне было проще её найти, и только после этого выключила настольную лампу.

На кухне Роман пытался вытащить чайный пакетик из металлической банки. Пакетик зацепился ниткой за крышку.

— Это ловушка, — сказала Анна с порога.

Он поднял банку.

— Для внешних специалистов?

— Для тех, кто считает, что здесь есть нормальный чай.

На столе стоял открытый контейнер с гречкой. Рядом лежали два яблока и свёрток из ближайшей кулинарии. Анна вспомнила, что её собственный обед остался в холодильнике дома. Возможно, ещё вчера.

— У меня есть лишняя котлета, — сказал Роман. — Будете?

— Что значит лишняя?

— Мне положили две. Я заказывал одну.

— Вы её честно пытались вернуть?

— У женщины была очередь. Я побоялся испортить отношения.

Анна села напротив. Он подвинул свёрток. Она взяла чистую тарелку и сама отделила себе половину гарнира.

Чай в банке оказался сразу трёх видов. Один пакетик пах бергамотом, другой — сухими ягодами, третий не пах ничем. Анна выбрала последний.

— Осторожно, он самый старший, — предупредила она.

— Здесь есть стаж?

— Здесь есть люди, которые покупают себе чай, потом прячут его от всех. А через год приносят на общую кухню, потому что пить уже невозможно.

— И вы это поддерживаете?

— Я экономлю на развлечениях.

Роман залил пакетик кипятком и попробовал. Выражение лица почти не изменилось, но чашку он отодвинул.

Анна засмеялась с набитым ртом, отвернувшись, прикрывшись ладонью. Роман дождался, пока она справится, и протянул салфетку.

— Всё-таки строительный объект, — сказал он. — Вода из коммуникаций.

Она ела, не проверяя сообщения после каждого глотка. Один раз телефон завибрировал, и она посмотрела: Марина прислала условия. Анна прочла суммы, сверила то, что успела посчитать в кабинете, и убрала аппарат. Ответить можно было после еды.

За стеной Павел что-то уронил, потом громко сказал самому себе, что всё цело.

— Вы не пойдёте посмотреть? — спросил Роман.

— Он сказал, что цело.

— Да.

— Вы проверяете, я усвоила?

— Нет. Я бы сам пошёл.

Анна посмотрела на него. Он допил воду из другой чашки, без чая.

— И почему не идёте?

— Он сказал, что цело.

За стеной послышался смех Дениса. Павел ответил ему что-то неприличное и вполне жизнерадостное.

Анна доела котлету. Тёплая кухня постепенно переставала быть ещё одной комнатой, через которую нужно пройти по дороге к работе. На плитке у раковины стояло небольшое пятно света от вытяжки. Кто-то повесил сушиться полотенце поверх выключенного радиатора. От Романа пахло улицей, тканью сумки и чуть-чуть яблоком, которое он только что разрезал складным ножом.

— Вам ведь придётся сокращать здесь время? — спросила она. — Вы говорили о следующем контракте.

— Пока даты не наложились. Но бесконечно расширять наши занятия я не смогу.

— Я постараюсь не съесть всё ваше свободное время.

Он подвинул к ней половину яблока.

— Лучше приходите на то, о котором договорились.

Анна приняла половинку. На коже осталось маленькое тёмное пятно, она объела его, держа яблоко двумя пальцами.

— Приходить я умею.

— Вы умеете быть в здании. Нам нужно будет ещё оказаться на одной сцене.

Раньше она бы услышала в этом замечание. Сейчас улыбнулась: он говорил о вполне конкретном утре, которое они сегодня отвоевали вдвоём.

На стене кухни висел календарь с закрученным нижним углом. Анна поднесла его к свету и отметила новый показ. От первой даты остался кружок другим цветом. Стирать его она не стала.

— Тридцать четыре дня, — сказала она.

— Считаете сегодняшний?

— Считаю. Я за него уже заплатила частью заработка.

Роман посмотрел на отметку.

— Тогда надо успеть хотя бы нормально поужинать.

Анна вернулась за стол. Положила телефон рядом с тарелкой экраном вниз и взяла оставшийся кусок яблока.

Глава 7. Старый рапорт

Татьяна приехала в половине десятого, с двумя карандашами и собственным фонариком. Поздоровалась со всеми, сняла пальто и попросила Анну сначала показать выходы из здания.

Не сцену, не пульт и не комнату, где по вечерам хранились самые нужные вещи. Анна провела её по коридору, открыла боковую дверь, объяснила, какая створка заедает после дождя. Татьяна попробовала сама и сказала, что об этом нужно сообщить Марине.

— Уже сообщали, — ответила Анна.

— Хорошо. Когда обещала сделать?

Анна не помнила. Срока, кажется, вообще не было. Она записала вопрос на отдельном листе, который Татьяна держала поверх сценария.

Возле пульта они потратили почти час. На месте удобных Аннинных сокращений появлялись целые слова. Павел заходил уточнять, Денис принёс не ту папку и неожиданно признался, что никогда не различал две синие обложки. Анна различала их по степени потёртости и раньше считала, что это очевидно.

Теперь на одной написали «Реквизит», на другой — «Ход спектакля».

— Я всё время обещала наклеить, — сказала она.

— Теперь наклеено, — ответила Татьяна.

От этих простых слов было немного неловко. Анна привыкла, что все её недоделанные дела оставались за ней даже после того, как их сделал другой человек.

Татьяна не спрашивала, почему Елена ушла. В лист передачи внесла только замену исполнительницы и новые часы. Когда зазвонил рабочий телефон, подняла трубку сама, назвала театр и стала слушать.

Анна постояла рядом. Ей уже не находилось применения в собственном привычном утре.

— Идите готовиться, — сказала Татьяна, прикрыв микрофон. — Если что-то не пойму, отмечу. Потом спросим.

Анна взяла свой актёрский экземпляр. По дороге в репетиционную комнату заметила, что папка для ведения осталась у пульта. Впервые это не было забывчивостью.

* * *

До общей репетиции оставалось сорок минут. Анна села за стол у стены, открыла ноутбук и вошла в свою рабочую почту.

Марина накануне попросила собрать всё, что относилось к согласованиям старых записей. Не содержание этюдов, только письма, условия съёмки, ответы. В папках текущей постановки нужного оказалось мало: большинство сведений передавали устно, а потом ссылались друг на друга.

Анна ввела фамилию Ирины и слово «разрешение». Поиск выдал афишу, график замены и несколько писем с темами, которые ничего не объясняли. Она изменила запрос на «прогон».

На экране появились сообщения полутораговой давности.

Первое она узнала по времени отправки, ещё не прочитав тему.

Тогда вернулась домой после полуночи. Не стала включать свет на кухне, чтобы не видеть оставленную с утра посуду. Ноутбук поставила на колени. Руки не дрожали — это она помнила особенно ясно. Дрожь казалась бы подходящим оправданием. Она просто сидела в одежде, в которой отработала день, и составляла рапорт.

В исходящем письме к Ветрову сохранилось вложение: первый вариант, ещё до согласования. Анна скачала его и открыла.

«Ирина Левина попросила остановить сцену. Продолжение было дано по указанию Аркадия Ветрова. Команда на рабочее освещение была задержана».

Она помнила эти предложения. Но на экране они выглядели чужими: прямыми, почти недостаточными для того, что за ними осталось.

Ниже стояло её имя.

В первом варианте она тоже не была до конца честна. «Была задержана» позволяло не назвать человека, который повторил Павлу «Пока оставь». Всё же из этого текста было ясно: Ирина просила остановиться, а работа продолжилась.

Анна провела курсором по строкам. Внизу открылась дата последнего изменения файла. Она убрала руку с мыши, как будто могла случайно что-нибудь переписать одним прикосновением.

Следующее письмо было короче. Ветров просил зайти до общего сбора. Она помнила разговор без помощи почты: стол, очки в его руке, её собственную куртку, которую так и не успела снять. Он не кричал. Объяснял, что сухая служебная запись должна содержать проверенные факты, а не обвинения. Спрашивал, уверена ли она, что правильно услышала Ирину. Уточнял, кто будет отвечать за срыв работы, если этот текст пойдёт дальше.

Она правильно услышала.

Ирина сказала: «Аркадий, стоп. Я не хочу дальше».

Анна всё равно переписала.

Утверждённый скан нашёлся в письме, которое она сама переслала Марине. В теме стояло «Репорт, итоговый». Она открыла его рядом с первым файлом.

«Репетиция прервана в связи с эмоциональным состоянием актрисы».

Под текстом была Аннина подпись. Не чужая имитация, не документ, который ей показали мельком. Она распечатала, подписала и отнесла. На скане виднелась точка от ручки возле даты: Анна перед подписью проверяла, пишет ли стержень.

В соседнем окне первоначальный текст выглядел теперь не смелым, а брошенным.

Она увеличила масштаб, хотя и так могла прочитать каждую букву. Увеличенные строки не дали ей другого смысла.

За дверью Татьяна спросила Павла о порядке включения. Он ответил спокойно, без раздражения. Начинался обычный рабочий день.

Анна вспомнила, как после той репетиции Ирина вернулась с неподвижной рукой. Касалась края папки осторожно, пробовала писать другой. Анна принесла ей чай, узнала, какие показы нужно переносить, отправила сообщения о заменах. Всё, что можно было сделать после, не затрагивая причину.

Потом Ветров предложил ей регулярно вести спектакли. Сказал, что на неё можно положиться.

Она тогда пришла домой почти счастливая.

Анна закрыла глаза и сразу открыла. Никакая подробность не позволяла назвать переписанный текст ошибкой в оформлении.

Она создала папку для двух версий и положила в неё сами письма с вложениями. Не новые файлы с удобными названиями вместо старых: вместе с датами и темами, как они сохранились в её почте. Сделала вторую копию для себя. Открыла пустой документ, написала «Что исправить» и остановилась.

Подменить нынешним текстом старый было бы очень легко. Положить в папку уточнённый вариант, будто вопрос наконец решён. Но тогда исчезло бы главное — то, что она однажды выбрала написать.

Анна сохранила оба исходных файла без изменений.

Телефон показал без пяти час. Пора было идти.

* * *

Ветров работал с Денисом над сценой в гостиничном коридоре. Физический эпизод оставили на отдельное время; сейчас требовалось пройти первые реплики.

Анна встала за стойку. Денис положил на неё конверт и слишком быстро отвёл руку.

— Подожди, — сказала она. — Я ещё его не увидела.

— В тексте ты уже спрашиваешь.

— Да. Я могу спросить, не поняв, что там.

Денис вернул конверт к себе.

Они начали снова. На этот раз Анна увидела бумагу, потом руку партнёра, потом окно. Ей понравилось, что можно не успеть определить всё сразу. Ася за один день передавала дела, которым отдала много лет. Не обязана же она ещё и быть лучшей распорядительницей собственного ухода.

— Хорошо, — сказал Ветров. — Только не делай из паузы заявление. Ты любишь задерживать нас, чтобы мы оценили твой выбор.

Анна почувствовала знакомый горячий прилив к щекам. Он попал точно. Она действительно успела посмотреть в зал, проверяя, заметили ли её находку.

— Ещё раз?

— Да. Сначала для него.

Она прошла эпизод снова. Лучше. Денис тоже перестал торопиться. Несколько минут Анна была занята только тем, зачем вообще оставалась в театре.

Дальше Денис должен был спросить, останется ли Ася на вечер. Анна ответила по привычке, с лёгкой деловой улыбкой, которую Елена находила в этом месте: конечно, кому-то же нужно встретить поздних постояльцев.

Ветров остановил.

— Зачем ты сейчас утешила его?

Анна опустила сценарий.

— Он боится не справиться.

— И что?

— Она его знает. Хочет, чтобы он перестал бояться.

— А сама чего хочет?

Вопрос оказался до обидного простым. Анна знала ответы по каждой странице, выписала их в свой экземпляр, даже уточняла у Елены. Сейчас все они звучали как сведения об Асе, с которыми можно согласиться, но невозможно выйти из комнаты.

Денис ждал, держась за край стойки. У него на рукаве распустилась нитка. Анна увидела её, мысленно решила потом найти ножницы — и тут же разозлилась на себя.

— Уйти до вечера, — сказала она.

— Тогда иди.

— У меня дальше реплика.

— Ты можешь сказать её на ходу.

Она попробовала. Не ту часть, где требовалось проверять движение; просто шаг от стойки к чемодану. Отвечая Денису, не повернулась полностью, и ему пришлось самому приблизиться, чтобы увидеть её лицо.

Он заговорил тише. Его просьба стала менее привычной и оттого настойчивее.

Анна остановилась. Впервые поняла, что Ася могла провести здесь ещё одну ночь именно потому, что ей хотелось услышать эту просьбу. Даже собираясь уйти, оставляла другому возможность удержать её словами.

Ветров подался вперёд.

— Вот. Не разрешай себе быть только несчастной. Ты тоже получаешь своё.

Анна повторила сцену. На второй попытке стало неудобно, почти некрасиво: хотелось и уйти, и чтобы Денис продолжал звать. Зато исчезла чужая правильная улыбка.

— Это уже твоя работа, — сказал Ветров.

Она обрадовалась так сильно, что на миг забыла об открытых в соседней комнате файлах. Именно за этим ощущением хотелось возвращаться. Ей дали ясную задачу, она нашла ответ, другой человек увидел его и назвал. Никакой служебный документ не отменял, что Ветров умел привести её сюда.

Потом Ветров объявил небольшой перерыв и попросил её подойти.

На режиссёрском столике лежал чистый лист. В верхней части — название компании, ниже несколько строк.

— Марине для папки согласований, — сказал он. — Ты помнишь, как мы начинали эти этюды. Надо подтвердить, что участие было добровольным, записи велись открыто, возражений к рабочему использованию не было.

Анна не взяла ручку.

— Кто должен подписать?

— Те, кто присутствовал. Ты в первую очередь. Ты вела процесс.

В первой строке действительно стояло её имя. Дальше говорилось обо всех участниках и обо всём периоде работы. Слово «рабочее» не объясняло, кому и для чего собираются показывать записи сейчас.

— Я не могу это подтвердить за всех.

— Не за всех. От своего имени, как человек, который видел.

— Я видела не всё. И Ирина возражала против использования своего фрагмента. Письменно.

Он сложил руки поверх сценария.

— Против публичного. Ты же умеешь различать.

Анна посмотрела на бланк. В нём не было этого различия. Не было перечисления записей, дат и ограничений. Одна подпись должна была заменить все вопросы, которыми они занимались третий день.

— Пришлите мне файл. Я прочту спокойно и смогу ответить только о том, что знаю сама. Ветров улыбнулся. Очень мягко, почти печально.

— Мы с тобой давно работаем, Аня.

— Да.

— Помнишь, в каком состоянии ты пришла после того сезона? Ты уже не хотела выходить на площадку. Мы нашли тебе место здесь. Не потому, что некого было поставить у пульта.

Она помнила. После невыплаченных денег, бесконечных замен и собственного неудачного выхода всё казалось доказательством, что актёрская жизнь закончилась. Работа в «Контуре» вернула ей распорядок, людей, возможность платить за квартиру вовремя. Ветров не выдумывал помощь. От этого было труднее слышать, во что она теперь превращалась.

— Я знаю, — сказала Анна.

— И сейчас хочу, чтобы ты вышла. У тебя есть материал, которого у Лены не было. Другая усталость, другой юмор. Не надо тратить это время на чужие споры.

Ей хотелось услышать ещё про роль. Он мог бы сейчас попросить повторить сцену, и она пошла бы с готовностью. Но на столе между ними лежал лист.

— Я буду готовиться. Общее подтверждение не подпишу.

Ветров посмотрел на пустое место для даты.

— Хорошо. Пока подумай.

Он убрал бланк под сценарий, не сделав никакой пометки. Слово «пока» осталось у Анны в ухе, как забытая команда, которую ещё придётся выполнить.

* * *

После репетиции она спустилась в мастерскую за запасным кольцом для гостиничных ключей. Зоя оставила его на краю стола, отдельно от инструментов. Анна хотела забрать и сразу подняться, но на лестнице встретила Романа.

— Татьяна говорит, вы закончили раньше, — сказал он.

— Она закончила. Я ещё ключи ищу.

— В руке?

Анна посмотрела вниз. Запасное кольцо уже было у неё между пальцами.

— Это не ключи. Это то, что нужно отдать человеку, который занимается ключами.

— Понятно. Долгая дорога.

Она улыбнулась, но улыбка быстро сошла. Роман заметил. Он не загородил лестницу, просто остался на площадке, откуда она могла пройти и вверх, и вниз.

— Что-то нужно изменить на завтра?

— Нет. Сцена по плану.

— Тогда хорошо.

Он шагнул к перилам. Анна вдруг сказала:

— Я сегодня смотрела старые документы.

Роман остановился.

Можно было продолжить. Не в этом тесном пролёте, не на ходу, но хотя бы произнести: «Я написала неправду». Анна знала, что именно должна была бы объяснить. И всё же видела перед собой сначала его лицо после этих слов, потом завтрашнюю репетицию, на которой он уже будет знать.

Она испугалась этого нового знания в нём.

— Там есть моя часть, — сказала Анна. — Не только Иринина или Ленина. Я пока не готова вам рассказать.

Роман убрал руку с перил.

— Это связано с тем, как мы сейчас работаем?

— С тем, что было раньше. Но я не хочу говорить, будто это совсем отдельно.

Он помолчал.

— Если касается условий нашей репетиции, мне нужно знать условия. Остальное вы можете рассказать, когда решите.

Анна кивнула. Это не было обещанием, что он поймёт и примет любую её историю. От этого ответ показался честнее.

— На завтра ничего не меняется, — сказала она. — Кроме того, что я ещё раз проверю свою обувь.

— Тогда до завтра.

Анна поднялась на три ступеньки, остановилась и оглянулась. Роман уже убирал в сумку рулетку, торчавшую сбоку; повседневное движение вернуло ей способность идти.

* * *

Дома оказалось слишком тихо.

Анна сняла пальто, поставила чайник и сначала разобрала высохшее бельё. Хотела убрать со спинки стула колготки, нашла носок без пары, понесла его в комнату. Только возле шкафа поняла, что уже пятнадцать минут не садится за стол.

На верхней полке шкафа нашлась коробка со старыми программками. Анна снимала оттуда полотенце, задела край, и несколько листов упали на пол.

Она подняла их. В «Лестнице» её фамилию допечатали на отдельном вкладыше; три вечера, на которые она согласилась почти с тем же отчаянным облегчением, что теперь. Тогда казалось: стоит хорошо сыграть замену, и дальше позовут уже по-настоящему.

После второго показа она поехала домой в трамвае, стояла возле двери и улыбалась своему отражению в тёмном окне. Ничего особенно важного с карьерой не произошло. На третьем опять немного сбилась, пропустила реакцию партнёра. Но эти вечера были её, и в них оставалось достаточно жизни, чтобы вспоминать их без обязательного стыда.

Анна положила вкладыш на стол. Ей не требовалось убедить себя, будто она никогда особенно не хотела играть. Хотела. Вчера в календаре первой искала дату, когда в зале появятся зрители; сегодня на похвале Ветрова успела забыть, почему утром ей было так трудно идти на репетицию.

Она боялась, что признание о рапорте лишит её именно этого. Что отныне любая найденная реплика будет казаться ей купленной чужим молчанием. Что правильным окажется уйти к пулту навсегда и не просить внимания к себе.

Анна не знала, как разделить эти вещи. Но уже понимала, что спрятать первый текст ради будущей роли — значит ещё раз сделать тот же выбор.

Она вернула остальные программки в коробку. Вкладыш оставила рядом с ноутбуком. Внизу мелко был указан состав всех служб. Анна никогда раньше не всматривалась в него с такой жадностью: там тоже были люди, которым однажды понадобилась работа, люди, решавшие, что сегодня можно стерпеть.

Жить дальше без новой лжи казалось сейчас задачей куда более сложной, чем научиться говорить на ходу. Но маленькая память о трёх сыгранных вечерах помогла ей не превратить собственное желание в улику против себя.

Она вернулась на кухню. Села, открыла два файла и положила рядом чистый блокнот.

Можно было перечислить всё, чем она оправдывала себя тогда: аренда, работа людей, угроза закрытия, Ирина, которая не хотела новой огласки. Последнее уже не выдерживало проверки. Ирина не просила Анну писать про эмоциональное состояние. Анна сама согласилась, что чужое молчание удобно понимать как разрешение.

В блокноте она записала не объяснения, а последовательность собственных действий. Услышала просьбу остановиться. Повторила команду подождать. Описала это в первом письме. Убрала из следующего текста.

На последней строчке рука замедлилась. Возле списка оставалось огромное пустое поле, куда так и тянуло добавить что-нибудь о хороших намерениях.

Анна перевернула страницу.

На новой написала: «Поговорить с Ириной. Спросить, готова ли к отдельной встрече. Не начинать в коридоре. Не требовать ответа сразу».

Телефон лежал в комнате на зарядке. Анна сходила за ним и долго выбирала, как начать. «Мне нужно тебе сказать» звучало так, словно Ирина теперь должна выделить время для облегчения Анниной совести. «Есть документы» — так, будто речь о чужой находке.

В итоге она написала: «Я нашла в своей почте первый вариант рапорта и тот, который потом подписала. Хочу отдельно поговорить с тобой о том, что сама изменила. Не буду начинать без твоего согласия. Скажи, когда и если сможешь».

Она прочла сообщение один раз и отправила, прежде чем придумала более осторожное. Ирина не ответила сразу.

Анна не стала смотреть, появилась ли отметка о прочтении. Встала, достала хлеб и сыр, нарезала помидор. Хлеб был ещё мягкий, помидор — холодный и почти безвкусный. Она съела всё стоя у стола, затем всё же подвинула стул и села допивать чай.

На экране ноутбука рядом оставались две версии. Одну она когда-то отправила, чтобы зафиксировать случившееся. Вторую — чтобы работа могла продолжаться как прежде.

Теперь Анна сохранила письмо с отказом подписать новое общее подтверждение. Коротко, без оценки чужих мотивов. Только о том, какие факты она не могла подтвердить и каких уточнений просила.

Когда письмо ушло, она закрыла ноутбук.

Глава 8. Без захвата

Запасное кольцо оказалось слишком тугим.

Анна сидела в мастерской, упирая край в деревянный брусок. Ключ никак не проходил между витками, а зелёная бирка норовила сломаться. Денис стоял рядом с кружкой и советовал воспользоваться ножом.

— Тогда я порежусь до начала сцены, — сказала Анна. — Сократим подготовку.

— Я могу сам.

— Ты предлагаешь другой способ сократить подготовку?

Он поставил кружку на полку и взял связку. Справился за несколько секунд: нашёл в ящике плоский инструмент, раздвинул кольцо и протянул Анне.

— Не нож.

— Поздравляю.

— Тебе спасибо.

Она хотела сказать, что не просила помогать, но вовремя услышала, как нелепо это прозвучит. Ключи теперь не рассыпались. На этом можно было закончить.

Роман появился в дверях, уже без куртки, с открытым рабочим сценарием.

— Начнём с выхода. Без удержания.

Денис указал на связку:

— Тут уже случилось примирение. Я починил ей имущество.

— Это собственность гостиницы, — сказала Анна.

— Тогда особенно обидно.

Прежде чем идти на сцену, Роман попросил проверить чемодан. Его приволокли в мастерскую ещё утром: ручка иногда заедала, а Анне теперь предстояло чаще поднимать его самой.

Она поставила чемодан на бок. Денис ушёл за сценарием, оставив их среди банок с краской и разобранного настольного звонка.

— Он пустой? — спросил Роман.

— Почти. Там старый плед, чтобы не гремел.

Анна открыла замок. Вместо пледа внутри оказалась длинная гирлянда, которую использовали в другом спектакле.

Она медленно посмотрела на Романа.

— Я сейчас скажу, что не знала.

— Я готов поверить.

— Обычно не верят. Считают, что я знаю даже чужие тайники.

Он приподнял край гирлянды, не вытаскивая.

— Это чужой?

— Судя по изолянте, Павла. У него целый портативный склад.

Анна вызвала Павла. Он удивился, обрадовался и забрал находку, пообещав найти для чемодана что-нибудь другое. Анна попросила сначала согласовать: вес в сцене должен оставаться одним и тем же.

Павел покосился на Романа.

— Уже научил?

— Я сама догадалась.

— Ладно. Только гирлянду мне не отдавай в декорацию. Она живая.

Он унёс её, придерживая обеими руками, как действительно живое существо. Анна присела возле открытого чемодана и рассмеялась.

— Знаете, что самое трудное? Мне и правда хочется сейчас пойти поискать ему плед. Чтобы никто не тратил время.

Роман присел на корточки с другой стороны, проверил, как убирается ручка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.